

СИБИРСКІЙ АРХИВЪ

Журналъ исторіи, археологіи, географіи
и этнографіи Сибири, Средней Азіи и
Дальнаго Востока.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ III.

№ 9.

Сентябрь 1914 года.

МИНУСИНСКЪ

Типографія А. Ф. Метелкина.

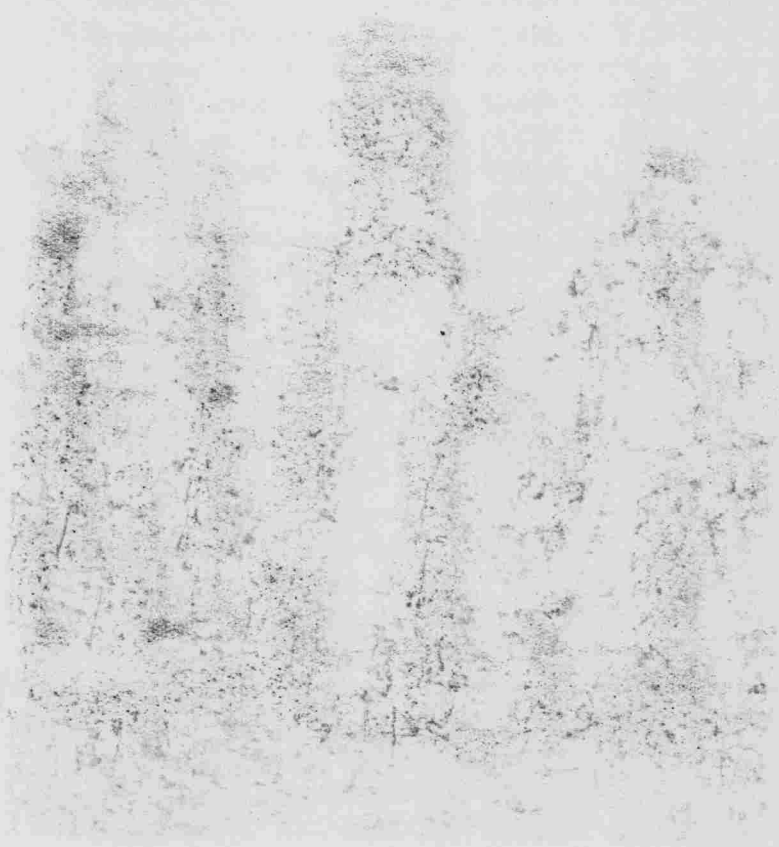
1914.

ТИПЫ МИНУСИНСКИХЪ ИНОРОДЦЕВЪ.
СВАХИ-САГАЙКИ.

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
LIBRARY

Инородцы Енисейской губерніи въ первые годы ея существованія.

Извѣстный государственный дѣятель М. М. Сперанскій, получивъ въ 1819 г. назначеніе на постъ Сибирскаго генераль-губернатора, составилъ проэктъ коренныхъ реформъ для Сибири. Въмѣстѣ съ утвержденіемъ этого проэкта, извѣстнаго подъ названіемъ „Сибирскаго учрежденія“, въ 1822 году изъ частей Томской и Иркутской губерній была образована новая губернія—Енисейская.

Реформы коснулись и инородцевъ. 4 февраля 1825 года Енисейское губернское правленіе, на основаніи устава объ управленіи инородцами въ Сибири, предписываетъ: „инородцы, живущіе въ Ачинскомъ и Минусинскомъ уѣздахъ, причислены по образу ихъ занятій ко 2 разряду и раздѣлены на южныхъ (?), скотоводцевъ и промышленниковъ, и на кочующихъ земледѣльцевъ; между ими учреждены п думы и 39 родовыхъ управъ и выбраны начальники и головы. Инородцы, занимающіе Енисейскій округъ, по образу ихъ занятій, подходятъ всѣ къ 3 разряду и наименованы бродячими; раздѣлены на 42 родовыя управления, каждое подъ вѣдомствомъ своего князца“.

Въ моментъ реформы инородцевъ въ Енисейской губерніи по даннымъ губернскаго правленія насчитывалось 15076 душъ; по уѣздамъ они распредѣлялись такъ: въ Ачинскомъ—2855, въ Минусинскомъ—8069 и въ Енисейскомъ—4152.

Инородцы Ачинскаго уѣзда, состоявшіе изъ 12 родовыхъ управъ (улусовъ), были объединены въ Кизильское степное управленіе (думу) во главѣ съ родоначальникомъ Григоріемъ Ульчегачевымъ. По статистикѣ того же правленія, эти инородцы состояли изъ „скотоводцевъ, промышленниковъ и кочующихъ земледѣльцевъ“, причемъ „кочующихъ земледѣльцевъ“ изъ общаго числа 2855 насчитывается лишь

Минусинскіе инородцы образовали *три родоначалія* (думы): *соединенных* разнородныхъ племень или Аскызское, состоявшее изъ 10 управленій (улусовъ), Качинское или Усть-Абаканское—изъ 11 улусовъ, во главѣ съ родоначальникомъ Чиркой Картинымъ*), и Койбальское изъ 7 улусовъ**). Минусинскіе инородцы губернскимъ правленіемъ числятся „скотоводцами и промышленниками“ и платятъ всѣ, какъ и Ачинскіе, ясакъ только деньгами.

По отдѣльнымъ родамъ и улусамъ инородцы Ачинскаго и Минусинскаго уѣздовъ, въ моментъ реформы, распредѣлялись слѣдующимъ образомъ.

Родовыя управы или улусы.	Количество душъ:		Ясакъ деньгами въ рубляхъ.
	Скотоводцевъ и промышленниковъ.	Кочующихъ земледѣльцевъ.	
Ачинскій уѣздъ:			
I. Кизильское Степное Управленіе:			
1. Кизильскій	253	35	200
2. Шуйскій	235	87	216,31
3. Мелецкій 1-й половины	193	—	200
4. Мелецкій 2-й половины	31	232	175
5. Малоачинскій	194	8	325
6. Большеачинскій	332		
7. Мало-Аргунскій	103	—	68
8. Курчиковскій	155	—	49,61
9. Басагырскій 1-й и 2-й половины	168	—	110
10. Басагырскій отъ 2-й половины отдѣленный	141		
11. Игинскій	397	—	165
12. Камларскій	279	12	215
Итого	2481	374	1723,92
		2855	
Въ среднемъ ясаку на 1 душу			0,6038

*) Декабристы братья Бѣляевы, живя въ 1834—1840 г. г. въ Минусинскѣ, организовали по просьбѣ жителей школу. «Между учениками нашими были и татаринъ, сынъ тамошняго кочевника, богача Чирки Картина, который просилъ помѣстить его у насъ въ домѣ на жительство и по окончаніи ученія подарилъ намъ жеребца своихъ табуновъ». А. И. Бѣляевъ. Воспоминанія декабриста. С. П. Б., 1882, стр. 298. Каринъ—не Картинъ ли? И наоборотъ.
 **) „Малое родоначаліе Койбальцевъ, заключающееся въ 594 душахъ, имѣетъ кочевье пріятнѣйшее между правымъ берегомъ Абакана и лѣвымъ Енисея, на равнинѣ, разстилающейся у подножія горъ Сабинскихъ“. Степановъ, Енисейская губернія, часть I, стран. 137.

Минусинский уездъ:		
I. Аскызское Степное Управление:		
1. Бельтирский	840	435,60
2. Кизильско-Каргинский	106	59
3. Бійско-Ковинский	103	112,80
4. Ближне-Каргинский	615	585,50
5. Дальне-Каргинский	260	123,32
6. Кивинско-Кубинский	381	253,32
7. Казановский 2-й половины	159	128,73
8. Сагайский 1-й половины	885	668,90
9. Сагайский 2-й половины		
10. Карачаровский	305	230
Итого		3654 — 2597,77
Въ среднемъ ясаку на 1 душу 0,7192		
II. Качинское (Усть-Абаканское) Степное Управление:		
1. Абаляковский	148	199,365
2. Шалошинский 1 половины	464	1324,80
3. Шалошинский 2 половины	541	
4. Яринско-Остинский	128	168,655
5. Мунгатовский	224	348,92
6. Абалтаевский	172	241,695
7. Татаровский	607	697,99
8. Тинский	104	42,31
9. Кубановский	449	506,415
10. Тубинский	841	873,68
11. Таташевский	1431	185,075
Итого		3821 — 4589,105
Въ среднемъ ясаку на 1 душу 1,201		
III. Койбалъское Степное Управление:		
1. Таражаковский	142	103,8375
2. Кальский	52	101,14
3. Абугачаевский	85	155,5625
4. Мало-Байкатовский	89	184,14
5. Больше-Байкатовский	129	213,22
6. Кандыковский	52	81
7. Арша	45	142,35
Итого		— — 1070,50
Въ среднемъ ясаку на 1 душу 594 — 1,8022		

Такимъ образомъ, „малое родоначалье Койбальцевъ“ платило ясакъ въ наивысшемъ размѣрѣ — 1 р. 80,²² к., тогда какъ Ачинскіе инородцы вносили только 60,³⁸ коп. Средній размѣръ ясака на 1 душу инородца—степняка опредѣляется

$$\text{суммой } \frac{1723,32+2597,77+4589,105+1070,50}{2855+3654+3821+594} = 91,04 \text{ коп.}$$

По отдѣльнымъ улусамъ ясакъ взимался неравномѣрно: отъ 40,⁶⁸ коп. на душу въ Тинскомъ улусѣ Качинцевъ, до 3 руб. 16,³³ коп. въ Аршинскомъ улусѣ Койбальцевъ.

Въ архивѣ Минусинскаго уѣзднаго полицейскаго управленія, откуда почерпнуты приводимыя данныя, не имѣется, къ сожалѣнію, свѣдѣній о томъ, чѣмъ руководствовалась администрація при опредѣленіи размѣра ясака.

Главное занятіе инородцевъ—степняковъ скотоводство и промышленность, т. е. охота; „кочующихъ земледѣльцевъ“ изъ 10924 душъ насчитывается лишь 374, т. е. 3,⁴²‰.

Въ Енисейскомъ уѣздѣ всѣ инородцы, какъ бродячіе,*) отнесены къ 3 низшему разряду; въ административномъ отношеніи они дѣлились на три группы: въ завѣдываніи Енисейскаго земскаго суда находилось 418 душъ, Богучанскаго отдѣленія—723, Туруханскаго отдѣленія—3011, а всего 4152 душъ. Распределеніе инородцевъ по родовымъ управленіямъ видно изъ слѣдующей таблицы.

1	Тинский	1723,32
2	Аршинский	2597,77
3	Качинцевский	4589,105
4	Койбальцевский	1070,50
Итого		10080,70
1	Тинский	2855
2	Аршинский	3654
3	Качинцевский	3821
4	Койбальцевский	594
Итого		10924

*) Примѣчаніе. «Бродячіе народы сіи названы такъ потому, что, не имѣя постоянного общаго кочевья, бродятъ поодиночкѣ, изъ мѣста въ мѣсто для ловли звѣрей. Иногда проникаютъ до береговъ Анабара, иногда вонь изъ губерніи до предѣловъ даже архангельскихъ. Для бродячихъ народовъ учреждены хлѣбные запасные магазины въ мѣстахъ, куда удобно доставлять хлѣбъ и куда каждое племя или каждый родъ можетъ, съ меньшимъ затрудненіемъ, обращаться со своими требованіями. Для каждаго рода учреждены сугланъ или ярмарка, также сообразуясь съ мѣстностью обстоятельствъ и урочищъ. Сугланы сіи болѣе полезны для порядка въ управленіи, для самой торговли, ибо на сихъ только опредѣленныхъ каждому роду мѣстахъ правительство сходится, такъ сказать, съ семи дикарями. Здѣсь получаютъ они распорядительныя приказанія на цѣлый годъ; сюда приносятъ свою дань или ясаки и, что чрезвычайно удивительно, исполняютъ со всею точностью свои обязанности, не будучи понуждаемы напоминаніемъ или страхомъ отвѣственности.»

Общее число родовыхъ управленій.	Родъ.	Число управленій каждаго рода.	РОДОВЫЯ УПРАВЛЕНІЯ.	Число дущь.	КНЯЗЦЫ.	Я с а к ъ .			Въ какомъ магазинѣ покупаются хвѣомъ.	Сугланнныя мѣста.	Къ какому времени собираются.
						Шкурами	Деньга-ми.	К.			
						Число шкуръ.	На какую сумму.	Р.			
1	1	1	Милитское	85	Пуданча Дихачевъ	Собол. и лисиць 74, бѣлки 1100	96	—	Въ Ярцевскомъ.	Устье р. Сыма.	23 мая.
2	2	2	Питское	39	Юруга Чилимовъ	Собол. и лисиць 58, бѣлки 1450	87	—	Въ Усть-Питскомъ	Дер. Усть-Питская.	23 мая.
3	3	3	Верхне-Чумское	35	Алчуль Данаичинъ	Соболей 32	32	—	Тамъ-же.	Тамъ-же.	23 мая.
			Итого	159							

4	1	Сыжско-Посовское . . .	202	Иванъ Кетской . . .	Собол. и лиспц. 84	84	137	—	Въ Яричев- скомъ.	Устье р. Сыма.	29 мая.
5	2	Нарско Пумнокольское	57	Алексей Стурговъ .	Собол. 34	34	35	—	Въ Макор- скомъ.	Маковской островъ.	29 июня.
		И т о г о . . .	259								
		А всего въ завѣдыва- ніи Енисейскаго зем- скаго суда.	418								
II. Вогучанскаго Отдѣ- ленія											
1	1	Канадальское	59	Петръ Вурмакинъ . .	лиспцъ 50	50	25	—	Въ дер. Ви- тейской.		29 июня.
2	2	Мѣндежельское	72	Иванъ Самойловъ . .	Разными звѣрьми.	128	100	—	Въ Петро- павловскомъ	Село Пе- тровское.	29 июня.
3	3	Егальское	187	Александръ Левинкой	Собол. и лиспц. 65	72	97	—	Въ Чадоб- скомъ.	Дер. Зелё- дѣва.	29 июня.
4	4	Куркугирское 1-е	68	Стеуль Поручиковъ .	бѣлк. 350, Собол. и лиспцъ.	50	—	—	Въ Бѣдоби- скомъ и Ир- кинскскомъ	Дер. Бѣдо- ба.	6 декабря.
5	5	Куркугирское 2-е	120	Андрей Чигиловъ . . .	Собол. 44 бѣнокъ 770	59 р. и 40 к.	—	—	Кежемскомъ	С. Кежем- ское.	—
6	6	Куркугирское 3-е	10	Захаръ Чумоговъ . . .	Собол. и бѣнокъ	65	—	—	Иркинскомъ.	Д. Иркин- ская.	29 июня.
Г у н г у з с к и й .											

7	7	Ченальское	99	Василій Мъкевъ	Соболей 40	40	46	—	Кежемскомъ	С. Кежемское.	29 іюня.
8	8	Лапатирское	46	Алексѣй Страшиновъ	Собол., лисица и росяха 26 Тѣмъ же зверемъ 32	14	—	—	Въ Кежемскомъ	Дер. Ковилская.	29 іюня.
9	9	Лапатирское I-е	40	Яковъ Пановъ	Тѣмъ же зверемъ 32	32	18	—	Тоже.	Село Кежемское.	29 іюня.
10	10	Каженское	22	Шуплачу (?)	Собол. 42 Бѣлокъ 400	32	—	—	Тоже.	Тоже.	6 декабря.
<hr/>											
		Весто въ завѣдываніи Богучанскаго отдѣленія	723	—	—	—	—	—	—	—	—
<hr/>											
		III. Туруханскаго отдѣленія.									
1	1	Подкаменное	59	Алексѣй Бурчевъ	—	на 50р.	11	—	Въ Верхне-Имбагатскомъ и Новоселовскомъ.	Устье Подкаменной Тулгузки.	21 мая
2	2	Верхне-Имбагатское	282	Спиридонъ Спичеевъ	Собол. 215	215	112	—	Въ Туруханскомъ и В. Имбагатскомъ.	Въ Верхне-Имбагатскомъ.	21 мая.
3	3	Имание Имбагатское	143	Василій Тынинъ	Соболей 164	86	—	—	Новоселовскомъ, Колстатинскомъ, Ямскомъ, Песковскомъ, Новоблагославенскомъ.	Тоже.	21 мая.

О с т а в л е н о .

Юрацкаго.		Остяцкаго	
4	Караванское	109	Кириль Майдорья
5	Вайханское	90	Николай Терешинь
6	Тымская	222	Лисичь 40 Горностаевъ 400
7	Казакое	135	—
8	Деревое	65	Иванъ Фоинья
9	Тазое	184	Авгасий Ларминъ
Итого		1040	Лисичь 40 лесовъ 100
Итого		249	—

Минскомъ,
Усть-Курей-
скомъ, Капи-
новскомъ и
Карасин-
скомъ.
Турханскъ.
Во время
вражьи.

Въ Байхан-
скомъ.
Блажь Бай-
ханскаго.
23 апрѣля.

На Тау у
церкви.
На Тау у
церкви.
23 апрѣля.

—
Тамъ же.
23 апрѣля.

Кереномъ,
Толстоносов-
скомъ и Ду-
линскомъ.
Кетское.
19 июня.

На Тау у
часовни, На-
Хинскомъ,
Духинскомъ
и Толстоно-
совскомъ.
На Тау у
часовни.
9 мая.

10	1	Карасинское	32	Тимофей Силкинъ	Собол. 8, лищъ 11.	19	17	54	Въ Карасин- скомъ, Пла- хинскомъ, Лузинскомъ и Толстоно- совскомъ Въ Дудин- скомъ. Въ Дудинск. Кетскомъ и Толстоносов- скомъ. Въ Авам- скомъ, Дудыб- скомъ и Ду- динскомъ.	Лузинское	9 мая.	
11	2	Авамское	246	Наузинъ	—	—	393	—	Въ Дудин- скомъ.	Дудинское.	25 марта.	
12	3	Хантайское	131	Лабуга	Лищъ 84, лесцовъ 504.	336	—	—	Въ Дудинск. Кетскомъ и Толстоносов- скомъ.	Кетское.	25 марта.	
13	4	Видевское	20	Капта Курдыкинъ	Лищъ 3.	3	—	—	Въ Авам- скомъ, Дудыб- скомъ и Ду- динскомъ.	Аксеново зимовье.	25 марта.	
Итого												
14	1	Шарохинское	18	Евмъ Самойловъ	Лищъ 12	На 10р. 92к.	—	—	Въ Турухан- скомъ.	Туруханскъ.	29 июня.	
15	2	Нижне-Затуларинское	278	Николай Тширинъ	Лищъ 50	50	77	34 ³	Въ Поппан- скомъ, Ха- ганскомъ, Авамскомъ, Дудыбскомъ и Савин- скомъ.	Савинское зимовье.	25 марта.	
Итого												
											296	

С А М О Ъ Д Е К И И
Я К У Т С К И И

16	1	Есейское	148	Ужасниковъ	Личиць 25	25	41 13	Въ Поштай- скомъ, Ха- тавскомъ.	Савинское зимовае.	25 марта.
17	2	Колчанское	85	Нермаць	Личиць 14	14	23 64	Въ Авам- скомъ, Ду- днскомъ, Дудинскомъ.	Дудино.	25 марта.
18	3	Жигайское	50	Мань	Личиць 8	8	13 90 1/2	Въ Хатан- скомъ, Авам- скомъ.	Дудино.	25 марта.
19	4	Батанидское	41	Пиватій Тюрипъ	Личиць 6	6	11 40 1/2	Дуднскомъ, Савинскомъ.	Таженовское зимовае.	25 марта.
20	5	Лынее 1-е	8	Кельпиль	Личиць 6 Въломъ 122	8	—	Въ Пякней- Чумскомъ.	По Пякней Тулгуэть, Близъ Ниж- не-Чумского магазина.	25 марта.
21	6	Лынее 2-е	58	Шингауль	Личиць 46 Въломъ 778	—	—	Въ Савин- скомъ и Авамскомъ.	Аксеювское зимовае.	25 марта.
22	7	Лынее 3-е	46	Квачина	Личиць 30 Въломъ 826	—	—	Въ Дудин- скомъ.	Дудино.	25 марта.
23	8	Лынее 4-е	88	Гагеніе. (?)	Личиць 47 Въломъ 2374	—	—	Въ Лынее- Курейскомъ.	Близъ Лынее- Курейскаго магазина.	25 марта.

Такимъ образомъ, племенный составъ бродячихъ инородцевъ, по даннымъ губернскаго правленія, былъ слѣдующій: тунгусовъ—1443 душъ, остяковъ—1299, юраковъ—249, самоѣдовъ—429, якутовъ—296; наиболѣе сильными численно были тунгусы, наиболѣе слабыми—юраки; численность отдѣльныхъ родовыхъ управленій колеблется отъ 8 до 282. Съ 4152 душъ бродячихъ инородцевъ взималось ясаку: пушминой на 2785 р. 88 к. и деньгами 2050 р. 33,510, а всего 4836 р. 21, 5 коп., что въ среднемъ составляетъ на 1 душу 1 р. 16,7 коп., то-есть болѣе подушнаго оклада инородца—стенняка на 25,66 коп., или на 28,19 0/0. При этомъ необходимо отмѣтить, что казенная расцѣнка пушнины въ среднемъ, какъ можно выяснитъ изъ таблицъ, значительно ниже той, которую приводитъ Степановъ въ своемъ описаніи Енисейской губерніи (ч. I, стр. 247):

Пушнина.	Казенная расцѣнка.	Цѣны у Степанова.
Бѣлка	отъ 19,3 к. до 20 к.	20 к.
Лисица	„ 91 до 1 р. 05 к.	отъ 9 р. до 150 р.
Соболь	„ 50 до 1 р. 1 к.	„ 5—12 р. до 25 р.
Песецъ	„ 50 к. —	— 3 р. до 20 р.
Горностай	„ 10,95 к. —	— 40 к.

Подушное ясачное обложеніе различается по районамъ: такъ въ Богучанскомъ районѣ оно равно 1 р. 14,05 к., Туруханскомъ 1 р. 16,47 коп. и въ районѣ Енисейскаго земскаго суда—1 р. 94,20 коп. Наибольшій окладъ въ 6,5 р. (натурой) встрѣчается въ первомъ районѣ у тунгусовъ Куркуирскаго 3-го родового управленія, наименьшій въ 15 коп. (тоже натурой)—во второмъ районѣ у самоѣдовъ Видеевскаго родового управленія.

Изъ 4152 душъ бродячихъ инородцевъ лишь 603 *) вносить только одинъ денежный ясакъ, 2139 **) уплачиваютъ ясакъ деньгами и пушминой, 1410 ***) вносятъ ясакъ исключительно пушминой.

Преобладаніе натурального ясака надъ денежнымъ и многочисленность хлѣбозапасныхъ магазиновъ убѣдительно свидѣтельствуетъ о томъ, что товарообмѣнъ среди бродячихъ инородцевъ—охотниковъ былъ весьма слабъ.

И. Я. Чибизовъ.

*) Туруханскаго района.

**) Въ Туруханскомъ районѣ—1423, Енисейскомъ—259 и въ Богучанскомъ—457.

***) Енисейскаго района 156, Богучанскаго 266 и Туруханскаго 985

ВАДИМЪ ВАТИНЪ.

Новыя данныя по исторіи Минусинскаго края въ XVIII вѣкѣ.

Какъ извѣстно, Саянскій архивъ вмѣстѣ съ архивомъ Минусинской земской избы ¹⁾ единственный изъ мѣстныхъ архивовъ—XVIII вѣка, сохранившійся до нашихъ дней,—дошелъ до насъ въ крайне фрагментарномъ видѣ. Не хватаетъ дѣль за цѣлые года, пропали отдѣльные листы ²⁾. И. Я. Чибизову при его посѣщеніи Саянскаго острога удалось найти два листа изъ Саянскаго архива, пожертвованные имъ въ Минусинскій Мартыановскій музей.

Съ содержаніемъ этихъ документовъ мы и познакоимъ читателей.

Въ Саянскую судную избу Кайбальской земли отъ ново-крещеныхъ ясашнаго Ладачая Курагалдаева и отъ жены его Анны Куладаевой

Извѣтъ.

Въ прошломъ 1764 году,—а въ которомъ мѣсяцѣ и числѣ, того сказать не знаю,—продаль меня... ясашной Кайбальской(неразборчиво) за калымъ свой, а что за меня братъ оной калымъ, не знаю, что я сирота, отца у себя не помню, Качинской земли ясашному Мишкѣ Килежекову и взялъ за меня 4 рубля 50 копѣекъ и замужемъ жила я у него Килежекова съ полгода и отъ того я по изгонѣ переложила Турачину Додышеву и тутъ пожила мало, также взяла у жены у Балака Начинова четыре рубли пятьдесятъ копѣекъ, и отдала Турачину, у котораго Балака жить мнѣ невглянулось, что онъ изъ некрещеныхъ и ѣда въ самое скверное и лошадей, и оттого я ушла къ родителямъ своимъ на Абаканъ рѣку, и тутъ я вышла по охотѣ своей въ замужество за помянутаго

¹⁾ Архивъ Минусинской земской избы составляетъ предметъ печатающейся въ настоящее время нашей работы.

²⁾ См. нашу работу «Минусинскій Край въ XVIII вѣкѣ». Минусинскъ, 1913, 37 сл.

новокрещенаго Василья Курагалдаева, а татарское прозвание Падачая, съ которымъ и вѣнчана и дѣтей у себя имѣемъ мужескаго пола. А сего 1766 года апрѣля 16 числа, въ небытность въ домѣ меня, приѣзжала помянутаго Балака жена его Кадашка Доможакова съ сыномъ своимъ Баучомомъ и взяла жену мою Анну въ дому принуждать и бить смертно, и поменя послала ясашнаго Ябугу Чигрекова на своей лошади, которой и приведи къ ней, и она меня стала въ дому принуждать, на то я просилъ ее пождать мало, хоша до вечера. будетъ своему мой... Серженякову, хоша лошадь у него въ дому у тебя отдана, и она сроку не даетъ, ухватила жену мою за косы и била смертно, и тулупъ весь изодрала, и притомъ похвалялась „лошадей сгублю, что возьмешь на арканѣ поташу за шею“, и я сталъ отнимать жену свою, то и на мнѣ тулупъ изодрали и отняли жену мою казакъ Василей Садовской, разночинець Дмитрей Пчелинъ; при томъ и крестъ съ меня сорвала, а куды дѣла, того не знаю, только нашла.... Того ради сему извѣтъ объявляю, дабы впредь она меня и съ женой не убила смертно, а за тѣ 4 р. 50 к. плачено мною денегъ 1 р. 50 к.... (конца нѣтъ).

Этотъ документъ проливаетъ свѣтъ, на семейную жизнь Минусинскихъ инородцевъ. Изъ него явствуетъ также, что юрисдикція Саянской судной избы распространялась и на инородцевъ. ¹⁾

Другой документъ слѣдующаго содержания.

Погранишному дозорщику дворянину Егору Замятину съ Таштынскаго караула за капрала отъ казака Ивана Каргополова.. репортъ.

По приказанію вашему команду казаковъ при Таштынскомъ караулѣ спрашивать для проходу на рѣчку Шимширу столбу, дороги и проходу никто не знаетъ, и которы казакъ по приказанію вашему наряжены и будутъ высланы въ команду Муруева, къ июлю 24 числу явятся въ Саянскій острогъ. 1790 года. ²⁾

¹⁾ О саянской судной избѣ см. «Минусинскій край въ XVIII вѣкѣ», стр. 61, о Кайбалахъ іл. 112-3.

²⁾ Ср. нашу работу, стр. 72 сл.

Записки штабъ-лекаря Гаврила Марковича Дьякова.

(1795—1862 г. г.)

I.

Дѣтство, мои родители. Первые впечатлѣнія и обученіе грамотѣ. Отправленіе въ городъ Вологду для дальнѣйшаго обученія. Поступленіе въ Семинарію.

II.

Отъѣздъ въ Москву для поступленія въ медико-хирургическую Академію. Тревожное время. Путешествіе съ приключеніями. Прибытіе въ Москву. Блужданіе въ столицѣ. Всеобщая паника. Отъѣздъ изъ Москвы на родину.

III.

Опять въ Москву. Разставаніе съ родителемъ. Приѣздъ въ Москву. Поступленіе въ Академію. Профессора. Запятія въ Академіи. Окончательный экзамень.

IV.

Назначеніе на службу въ Иркутскую губернію. Прощаніе съ Москвой и отъѣздъ въ Сибирь. Прибытіе въ Иркутскъ. Губернаторъ Трескинъ. Женитьба. Отъѣздъ и прибытіе въ Киренскъ.

V.

Наблюденія, сдѣланныя въ 1817 г. въ ордахъ тунгусскихъ, Киренскаго округа, Иркутской губерніи.

VI.

Переводъ на службу изъ Восточной Сибири въ Тобольскъ. Вице-Губернаторъ Пассенко и его болѣзнь.

VII.

Комета. Нахлѣбникъ. Заключеніе.

Записки Г. М. Дьякова въ полномъ видѣ были мною помѣщены въ «Сибирскомъ Вѣстникѣ» за 1892 г. №№ 8 и 11; нынѣ я снова провѣрилъ по подлиннику уже напечатанное и добавилъ остальную ихъ часть, не появляющуюся въ печати.

Кузнецовъ—Красноярскій.

Павлово-Посадского Василия Курасалаева, а татарское прозвание
Павлово, съ котораго и вѣщавъ I.

Родился я въ Вологодской губерніи, Грязовецкаго уѣзда, въ приходѣ Николая Чудотворца, что въ Ангосорѣ, 1795-го марта 19-го дня, отъ законнаго брака дьячка той церкви Марка Михайловича и супруги его Марьи Андреевны, и 23-го того-жъ мѣсяца крещень былъ дѣдомъ моимъ, священникомъ сего прихода, Михаиломъ, который былъ и восприемнымъ отцомъ съ своею малолѣтнею внучкою, а моею старшей сестрой Наталіей. Бабки мои какъ съ отцовской, такъ и съ материнской стороны именовались — Агриппинами; бабушка съ материнской стороны была горожанка, дьяконская дочь и жена, вдовѣла и воспитывала дочь свою, а мою будущую мать. Рожденіе мое не происходило въ обстановкѣ знаменитостей и счастливцевъ, но и не было низко. Отецъ мой былъ ученъ по липовой грамотѣ и воспитанъ неучившимся своимъ родителемъ, а моимъ дѣдомъ и до самой смерти своей былъ вѣренъ своему избранному поприщу и отличался своею честностію, умѣніемъ пѣть и знаніемъ церковной службы. Изъ первыхъ впечатлѣній моего дѣтства остался особенно памятенъ полетъ моего отца въ пьяномъ видѣ съ колокольни, по двѣнадцати ступенямъ прямо внизъ головою, причемъ онъ имѣлъ еще силы послѣ паденія доползти на четверенькахъ до своего дома, гдѣ и былъ водворенъ на палатахъ; ночью выбѣжавъ на улицу, онъ началъ бить полѣномъ окна, такъ что вся наша семья, испугавшись, попряталась въ подпольѣ, пока мудрость нашего дѣдушки не спасла насъ отъ дальнѣйшихъ приключеній; онъ взялъ большой пукъ щепаной лучины, разжегъ его и бросилъ изъ окошка прямо батюшкѣ въ глаза, чѣмъ и закончилось сіе происшествіе.

Батюшка часто разговаривалъ съ нами о сокровенныхъ тайнахъ природы и передавалъ намъ свои видѣнія и разговоры съ покойниками, коихъ ему случалось видѣть многихъ во время чтенія псалтыря; у меня въ памяти удержался одинъ слѣдующій его рассказъ.

Женившись на моей матери 16-тилѣтней дѣвицѣ, съ посвященіемъ въ стихарь, онъ былъ опредѣленъ дьячкомъ въ Выколупкинское село, отстоящее отъ города Вологды въ семи верстахъ. Въ близкомъ разстояніи отъ церкви находилась помѣщичья усадьба Вахрушево, съ 2-этажнымъ каменнымъ господскимъ домомъ и службами, окруженными густою, рощею, среди которой находились церковные покосы. Какъхъ была сія усадьба владѣльцевъ въ ту пору, забыто мною, но по мнѣ твердо, что дома были въ запусѣніи, съ окнами

заколоченными досками, и только нѣсколько караульных охраняли заброшенные строения.

Однажды утромъ, на зарѣ, мой отецъ пошелъ косить траву и, проходя по тропѣ мимо заброшеннаго господскаго сада, увидѣлъ черезъ полуразвалившійся заборъ вылѣзающую изъ кустовъ женскую фигуру, весьма низкаго роста и мохнатую, а за ней трехъ такихъ же существъ. Батюшка мой сильно испугался, — такъ онъ сказывалъ, — и отъ робости воротился домой, раздумывая по дорогѣ, не была ли это кикимора, коей, по общему мнѣнію, приписывали оставленіе усадьбы владѣльцами.

Выше я уже говорилъ, что отецъ мой былъ человѣкъ набожный и уважаемый прихожанами. Онъ дожилъ при мнѣ до 60-ти лѣтъ и когда и какъ скончался, я еще не извѣщенъ. Матери моей было 35 лѣтъ, когда я появился на свѣтъ Божій. Она не была учена грамотѣ, но знала наизусть чуть не весь псалтырь, который ежедневно читала вслухъ ей мать, а моя бабушка. Подъ надзоромъ и попеченіемъ моихъ родителей, я скоро выучился и навѣкъ къ книжному чтенію, а по 7-му году зналъ порядочно ноты и становился пѣть на клиросѣ; вслѣдствіе моей близости къ церкви у меня развилась страсть къ чтенію разныхъ священныхъ книгъ и, въ особенности, чети-миней; при чемъ я нерѣдко проливалъ горькія слезы, читая о подвигахъ христіанскихъ мучениковъ.

На восьмилѣтій моемъ домашній совѣтъ опредѣлилъ отвезти меня въ городъ для дальнѣйшаго моего обученія, къ одному нашему родственнику, который былъ діакономъ при Никольской градской церкви и занимался обученіемъ отроковъ при домѣ своемъ. Онъ вмѣстѣ съ женой занимался огородничествомъ, въ коемъ оба они были великіе мастера и вели свое хозяйство превосходно, прикапывая денежки на черные дни. Супруга его ѣздила каждагодно на Ростовскую ярмарку для закупки сѣмянъ какъ для себя, такъ и для другихъ городскихъ жителей.

Такъ какъ дѣтей у нихъ не было, то ихъ домъ былъ набить нашей братіей, которая помогала имъ не мало въ ихъ хозяйственныхъ работахъ; въ мое время насъ нахлѣбниковъ жило у нихъ до 7-ми человѣкъ.

Онъ началъ учить меня чистописанію и чтенію разныхъ книгъ церковной и гражданской печати и за малую даже ошибку мою, во время спрашиванія урока, отсылалъ въ мою голову щелчки цѣлыми десятками. Моя тетюшка, а его супруга, Дарья Яковлевна часто говорила ему: „дьяконъ по-

бойся Бога, кто такъ наказываетъ ребенка“; а такъ какъ учитель мой рѣдко бывалъ въ трезвомъ видѣ, то и происходили между нами частенько перебранки и потасовки. Жаловаться на него родителямъ моимъ я боялся, къ тому же я считалъ своимъ долгомъ исполнить ихъ желаніе—видѣть меня скорѣе выученнымъ.

Присовокупивъ къ успѣхамъ въ письмѣ на русскомъ и латинскомъ языкахъ выученныя мною начальныя правила русской грамматики, и чтеніе, и заучиваніе словъ изъ латинскаго языка, я приобрѣлъ порядочную подготовку ко вступленію въ семинарію, куда и поступилъ 1803 года 7-го сентября, оставивъ своего учителя. Такъ какъ мнѣ необходимо было имѣть квартиру поближе къ семинаріи, то моя матушка помѣстила меня на все готовое содержаніе въ домъ пономаря Зосимо—Савватіевской церкви. Здѣсь я прожилъ цѣлый годъ, а затѣмъ перешелъ на квартиру къ мѣщанину Бородину за 2 руб. 50 к. въ годъ. Новый мой хозяинъ былъ чловѣкъ бывалый, проведеншій свою молодость въ Сибири при торговыхъ дѣлахъ; жилъ долго въ Иркутскѣ и Кяхтѣ, и черезъ него-то я познакомился со страной, гдѣ мнѣ пришлось пробыть впоследствии такъ долго.....*)

II.

Оставляя Вологду при искреннемъ желаніи ей всякаго блага, 1812 г. августа 17-го дня я отпавился въ числѣ 5-хъ товарищей въ Москву, для поступленія въ медико-хирургическую академію. Такъ какъ время это было грозное для судьбы нашего отечества, то стеченіе въ Ярославль народа, по тракту на Архангельскъ бѣгущаго изъ Москвы, было до того огромно, что перевозъ черезъ Волгу былъ почти недоступенъ; къ тому же на бѣду нашу подоспѣлъ къ перевозу транспортъ съ архивными сенатскими и межевыхъ конторъ дѣлами и мы принуждены были переночевать на берегу близъ перевоза. Найдя опрокинутую рыбацью лодку, мы развели подлѣ нея огонекъ и расположились на отдыхъ, разбитые непривычною ѣздой въ тряскихъ почтовыхъ телѣжкахъ.

Я уснулъ, какъ убитый, и перенесся во снѣ въ домъ моихъ родителей. Я увидѣлъ, какъ моя матушка, провожавшая меня изъ города и возвратившаяся къ себѣ домой, раздѣвшись, забралась на свою любимую лежанку; къ ней подѣбли двѣ мои сестры и въ слезахъ слушали рассказъ о моемъ

*) Пропускъ въ оригиналѣ.

отъѣздѣ и заочномъ съ ними прощаніи, ибо лично съ ними проститься мнѣ не было суждено, вслѣдствіе моего внезапнаго отъѣзда; все это я, стоя посреди избы, видѣлъ и слышалъ ясно.

Рано утромъ переѣхавъ Волгу средисуматохи и тѣспоты, мы встрѣтили на другомъ берегу знакомаго студента той академіи, въ которую мы стремились. Онъ удивился такой неожиданной встрѣчѣ, но ничего не могъ сообщить о томъ, что насъ ждетъ по пріѣздѣ въ Москву, такъ какъ провожалъ одно знакомое семейство. Рѣшивъ остаться нѣкоторое время въ Ярославлѣ, мы расположились въ номерахъ дома, назначеннаго для пріѣзда иногороднихъ. Напившись чаю, мы тотчасъ пошли шататься по главнымъ улицамъ города, сталкиваясь на каждомъ шагу съ толпами любопытныхъ, стремившихся въ кремль для полученія свѣдѣній о положеніи Москвы и о военныхъ дѣйствіяхъ; во всемъ Ярославлѣ замѣтна была суетливость, но унынія не высказывалось.

20 августа уличныя сцены измѣнились, и мы уже видѣли народныя толпы, волновавшіяся около дворца въ смятеніи, при извѣстіи о приближеніи врага и о случившейся въ эту ночь скоростижной смерти намѣстника ярославскаго, принца Георгія Ольденбургскаго, который былъ въ ту пору и генераль-провіантъ-мейстеромъ русской арміи. Все эти извѣстія заставили насъ поскорѣй отправиться въ дальнѣйшій путь, и мы того-же дня, условившись ѣхать на протяжныхъ для того, чтобы не испытывать задержекъ на почтовыхъ станціяхъ, уѣхали въ 6 часовъ изъ Ярославля въ Бѣлокаменную.

Съ приближеніемъ къ Троицкой даврѣ, намъ встрѣчались проѣзжающіе не въ очень большомъ количествѣ и мы думали поэтому найти Москву еще спокойною, но, пріѣхавши въ одну изъ ближайшихъ къ столицѣ деревень, мы получили вѣсти не совсѣмъ благопріятныя; крестьяне намъ передали, что на заставахъ отбиваютъ у возчиковъ лошадей, и что мы должны, если не хотимъ идти пѣшкомъ, сложится на одну телѣгу и такимъ образомъ тащиться до заставы. Такъ мы и сдѣлали. Ямщикъ нашъ, отведши немного въ сторону отъ дороги своего коня съ телѣгой, перетаскалъ нашъ скарбъ черезъ Троицкую заставу въ находившійся по близости отъ нея ямской домъ, въ которомъ мы и стали постоемъ. Такимъ образомъ мы вошли въ Москву 25 августа 1812 года.

На другой день отправившись заявить начальству о всодемъ пріѣздѣ, мы шли до академіи точно ощупью, остано-

вливаясь на каждомъ шагѣ и зѣвая во всѣ стороны; пройдя ворота Сухаревой башни, мы вступили словно въ лѣсъ, пока не попали на Срѣтенку, потомъ пришли на Лубянку, и, посмотрѣвши на домъ главнокомандующаго Москвою—графа Растопчина, поворотили на Рождественку, и приблизились къ храму Эскулапа. Огромный домъ Бекетова, гдѣ помѣщалась академія, носилъ уже на себѣ печать запустѣнія, хотя и былъ открытъ для входа и кое гдѣ виднѣлись немногочисленные служители, отъ которыхъ мы насилу добились свѣдѣній, къ кому надо обратиться для заявленія о нашемъ прибытіи. Они намъ сказали, что кромѣ Я. П. Фортунатова, котораго нѣтъ дома, во всей академіи нѣтъ никого изъ начальства; на наше счастье и самъ г. Фортунатовъ вскорѣ откуда то явился. Это былъ студентъ, уговоренный вице-президентомъ Н. Е. Ваволошинымъ остаться, доколѣ возможно будетъ, въ академическомъ зданіи, для охраны оставшагося имущества. Разспросивши насъ о цѣли нашего приѣзда, онъ удивился нашей смѣлости приѣхать въ Москву въ такое тревожное время и пѣнялъ на вологодское начальство, которое за 450 верстъ не знало, что присутственныя мѣста и академія еще съ 15 августа были закрыты, и назадъ тому три дня послѣдніе студенты отправились съ транспортомъ раненыхъ въ Кишеневъ, гдѣ находился главный подвижной военный госпиталь подъ управленіемъ лейбъ-медика Лодера. На основаніи всего этого, онъ посовѣтовалъ намъ отправиться въ канцелярію главнокомандующаго и тамъ добыть необходимыя для насъ свѣдѣнія.

Въ тотъ-же день или на слѣдующій—уже не упомяну—мы отправились на Тверскую въ домъ генераль-губернатора къ управляющему канцеляріей, адъютанту гр. Растопчина—А. П. Руничу. Вышедши къ намъ и узнавши, кто мы такіе и откуда (насъ было 5 человекъ), онъ объявилъ намъ, что ничего для насъ сдѣлать не можетъ и что самое лучшее отправиться намъ въ управу благочинія къ самому гр. Растопчину, который тамъ въ то время лично раздавалъ московскому ополченію оружіе изъ арсенала. Но мы, посовѣтовавшись между собою, не приняли предложенія г. Рунича, чтобы не подвергнуться завербовкѣ въ ряды ополченія, а отправились въ кремль и тамъ отыскали въ межевомъ департаментѣ пѣкагого чиповника Старичкова, къ коему имѣли письмо. Къ нашему благополучію, мы застали его за укладкой дѣлъ, и онъ насъ принялъ радушно, вызвавшись быть нашимъ менторомъ въ столицѣ. Тогда же показали намъ кремлевскій арсеналь, на половину опустошенный, ввелъ въ грановитую

палату и въ обширные и богато-убранные залы ИМПЕРАТОРСКАГО Дворца наконецъ, черезъ многія комнаты провелъ подь открытое небо, въ прелестный англійскій садъ, въ которомъ росли разнообразныя деревья и множество цвѣтовъ.

На слѣдующій день г. Старичковъ показывалъ намъ Спасскія ворота и великолѣпный фрутовый садъ, расположенный на Моховой вблизи кремлевскихъ стѣнъ. Такъ какъ мы рѣшили уѣхать изъ Москвы, то передъ отъѣздомъ отправились взглянуть на пустой уже университетъ; осмотрѣвши его, мы распрощались съ добрымъ Старичковымъ до будущаго свиданія, если только это будетъ намъ суждено.

Подъ вечеръ того же дня, т. е. 28 августа, черезъ всѣ заставы начали выѣзжать съ ранеными въ Можайскомъ дѣлѣ транспорты, находившіеся до того на Кремлевской площади для дальнѣйшихъ распоряженій, какому транспорту куда будетъ назначено слѣдовать. Общая тревога слѣдующихъ дней, 29 и 30 августа, измѣнила бывшее до тѣхъ поръ относительное спокойствіе городского населенія, и было уже ясно, что народъ узналъ о приближеніи врага и объ его скоромъ вторженіи въ столицу. Въ эти злосчастные дни пресѣкъся звукъ колоколовъ, святаыя церкви закрылись, и народныя толпы бѣжали изъ Москвы, куда глаза глядятъ; въ довершеніе всѣхъ бѣдъ наступили небывалые морозы, такъ что безъ шубы трудно было обойтись.

Мы тоже въ числѣ бѣгущаго народа отправились изъ Москвы пѣшкомъ на Вологду, заплативши за вывозъ одного чемодана на 60 верстъ 15 рублей ассигнаціями. Весь день 31 числа шли мы догоняемые и перегоняемые экипажами, бричками и телѣгами и подь вечеръ, не дойдя до Троицкой лавры 20 верстъ, увидѣли зарево надъ Москвой.

Такимъ образомъ стеченіемъ обстоятельствъ, намъ пришлось обратно путешествовать до самой Вологды, куда мы и прибыли благополучно около половины сентября, но только разбитые отъ усиленной ходьбы.

III.

Не успѣла еще Москва опомниться отъ погрома и пообстроиться отъ бывшихъ пожаровъ, какъ прежняя наша компанія двинулась на почтовыхъ 17 февраля 1813 года въ Бѣлокаменную. Новыя разставанія, новыя слезы. Но и теперь горькая моя участь не допустила меня обнять въ послѣдній разъ моихъ ближнихъ и облобызать надмогильныя плиты моихъ предковъ.

15 февраля получивъ отъ начальства повѣстку прибыть въ городъ, я отправился на слѣдующій день въ Вологду на легкѣ. Прибывши же туда, узналъ, что мнѣ остается весьма немного времени для припятія прогоновъ, чтобы затѣмъ отправиться въ Москву; къ моему счастью, пришелъ отецъ и принесъ мнѣ бѣлье и нѣсколько платья, но, побывши у меня на квартирѣ часа съ два, посиѣшилъ домой, чтобы послать скорѣе мать къ моему отъѣзду. Провожая родителя моего до церкви Владимірской, гдѣ мы должны были разстаться, вдругъ чувствую, что отецъ мой, прощаясь со мной, падаетъ мнѣ на грудь. Легко можно представить, что со мной было! Я зарыдалъ, обнявъ его въ свою очередь и поцѣловавши его въ послѣдній разъ, недвижимый смотрѣлъ вслѣдъ удалявшемуся отцу, и только тогда пошелъ къ себѣ на квартиру, когда его не стало видно.

Такъ какъ мнѣ предстояло еще переночевать въ Вологдѣ, то насколько были горьки эти послѣдніе часы, можете себѣ представить только тотъ, кто самъ находился въ подобныхъ обстоятельствахъ. Утомленный дневной суматохой и сборами, я бросился на кровать для того, чтобы уснуть, но не тутъ то было. Мнѣ поминутно слышался стукъ подъ окнами, какъ будто бряцало воротное кольцо, и слышался голосъ въ сѣняхъ; я бросался то къ окну, то вставалъ отворять сѣни.

Но вотъ прошла ночь въ тщетныхъ ожиданіяхъ и приблизился часъ отъѣзда, а матери нѣтъ, какъ нѣтъ. Хозяева моей квартиры, Царево-Константиновской церкви дячекъ съ женою, пожелали, вмѣсто моихъ родителей, благословить меня въ дорогу хлѣбомъ и солью. Когда они меня благословили, то хозяйинъ досталъ пятирублевую ассигнацію и сказалъ: „Богъ велить, съ твоимъ отцемъ увидимся, если онъ будетъ въ силахъ, то намъ заплатитъ; нѣтъ, такъ мы простимъ ему.“ Затѣмъ мы присѣли на стулья, потомъ встали, помолились Богу, и я, взявши узелокъ подъ мышку, пошелъ съ квартиры, провожаемый до воротъ моими добрыми хозяевами.

Около полудня мы выѣхали изъ Вологды и черезъ нѣсколько дней прибыли въ Москву. Прежде насъ пріѣхали ярославскіе и костромскіе, а за ними и мы. Въ короткое время съѣхались студенты изъ всѣхъ тѣхъ губерній, отъ коихъ требованы были воспитанники, и, по выдержаніи весьма легкаго экзамена, всѣ мы поступили казеннокопитными по медицинскому отдѣленію.

Съ 10-го марта начались лекціи. Профессоръ естествовѣдѣнія Готлибъ Фишеръ читалъ на латинскомъ языкѣ, но произношеніе его столь сбивалось съ французскимъ, что нерѣдко ставило насъ въ тупикъ. Добрѣйшаго профессора это не мало огорчало и онъ наконецъ сталъ брать уроки русскаго языка у адъюнкта по своему предмету — Алексѣя Леонтьевича Ловецкаго, который тогда только что выдержалъ докторскій экзаменъ. Посѣщая часто биржу, куда свозились разныя животныя, онъ нерѣдко на лекціяхъ передавалъ на русскомъ языкѣ свои разговоры съ торговцами, чѣмъ нерѣдко вызывалъ общій смѣхъ, при чемъ восклицалъ: „*quo ridetis*“?

Я, по молодости своей и по малому еще разумѣнію, ухватился сильно за анатомію и такъ прилежно въ теченіи трехъ мѣсяцевъ изучилъ первую часть ея по Загорскому, что на репетиціи у профессора оной — Е. О. Мухина получилъ превосходный баллъ; такъ какъ и по остальнымъ предметамъ я занимался изрядно, то и былъ переведенъ во 2-й классъ и въ тотъ же годъ догналъ годомъ ранѣе поступившихъ меня вологожанъ — Алентова и Сацердотова, съ коими потомъ шель рука объ руку, до окончанія всѣхъ курсовъ академіи, т. е. до 15 іюля 1816 года. Вслѣдствіе раззоренія Москвы непріателемъ, положеніе университета и академіи было самое горькое, ибо во время нашествія французовъ были истреблены всѣ кабинеты и бібліотеки, что ставило профессоровъ въ затруднительное положеніе, во время своихъ подготовленій къ лекціямъ.

Кромѣ этого, на наши занятія вліяло тревожное состояніе всего русскаго царства, находившагося на военной ногѣ изъ страха, въ случаѣ неудачи, опять подвергнуться нашествію иноплеменныхъ. Къ тому же у всѣхъ вертѣлась мысль, какъ бы не попасть въ ряды ополченія для подкрѣпленія войскъ, преслѣдующихъ въ чужихъ и далекихъ краяхъ разрушителя тишины и спокойствія земли русскою.

Въ это время славу нашей медико-хирургической академіи составляли труды студентовъ, въ анатомическомъ театрѣ готовившихъ препараты, кои поступили не только въ академическій кабинетъ, но и въ университетъ. Благодаря Е. О. Мухину, выхлопотавшему за подобныя занятія денежныя паграды изъ казны, многіе изъ студентовъ дошли въ трупосѣченіи до такого искусства, что, пожалуй, могли быть прозекторами. Но не всѣ студенты отдались совершенно медицинѣ; не мало изъ насъ напивывались появившимся тогда Шеллинговымъ умозрѣніемъ. Въ числѣ послѣднихъ былъ и

М. Г. Павловъ, бывший впоследствии профессоромъ Московскаго университета на кафедрѣ естествознанія.

Во время посѣщенія Москвы въ августѣ мѣсяцѣ ИМПЕРАТОРОМЪ АЛЕКСАНДРОМЪ I, ГОСУДАРЯ сопровождалъ главный медицинскій инспекторъ арміи, лейбъ-медикъ и президентъ медико-хирургической академіи—баронъ Я. В. Вилліе. Воспользовавшись своимъ пребываніемъ въ Москвѣ, онъ, съ разрѣшенія ГОСУДАРЯ, назначилъ окончившимъ курсъ лекарямъ 3-хъ дневные экзамены.

17 августа намъ объявили распоряженіе его превосходительства и просили, сколь возможно, черезъ три дня приготовиться; нашъ же послѣдній курсъ состоялъ изъ 70 человѣкъ, но болѣе половины были въ отлучкѣ, и насъ оставалось въ академіи только 30 человѣкъ.

20 числа баронъ Вилліе прибылъ въ академію и, принявши списокъ лекарей, сказалъ, чтобы ему представили только имѣющихъ на лицо студентовъ, и онъ уже по нимъ въ состояніи будетъ судить о познаніяхъ и прочихъ лекарей. Эти три дня мы имѣли счастье отвѣчать на вопросы, собственно имъ предлагаемые, и довольно удовлетворительно, такъ что, наконецъ, онъ изъявилъ свое удовольствіе. Окончивши экзамены, онъ благодарилъ вице-президента и профессоровъ и обѣщалъ засвидѣтельствовать передъ ГОСУДАРЕМЪ ихъ заслуги, подъятыя на пользу государства, а всему нашему выпуску далъ право на академическое содержаніе, впредь до полученія министерскихъ распоряженій по назначенію мѣстъ.

IV.

Вотъ такимъ то образомъ мнѣ палъ случай отправиться на востокъ. Начать самостоятельную жизнь и притомъ на такомъ трудномъ поприщѣ—вотъ что было предметомъ моихъ думъ. Зачастую, пріютившись подъ кровъ темной аллеи, изъ акацій, повѣрялъ я себя и размышлялъ о томъ, какая мнѣ предстоитъ обязанность въ будущемъ—исторгать корень невѣжества, лежащаго въ основаніи народной медицины. Правительство полагаетъ видѣть во мнѣ цѣлителя скорбей тѣлесныхъ; но тотъ ли я жрецъ, наученный всѣмъ таинствамъ науки и умѣющій побѣждать болѣзнь и страданіе. Кромѣ того я заранѣе рисовалъ въ своемъ умѣ ужасы полярнаго холода отдаленной Сибири.

Бывши случайно въ канцеляріи московскаго гражданскаго губернатора Долгорукова, я узналъ, что вліяніе сибирскаго генералъ-губернатора Пестеля стало колебаться и болѣе,

чѣмъ когда либо, теперь необходимо будетъ служащимъ въ Иркутской губерніи чиновникамъ подчиняться деспотическому правленію Иркутскаго гражданскаго губернатора Н. П. Трескина и жертвовать своимъ самолюбіемъ его хотѣнію и волѣ. Хотя я и былъ озадаченъ подобными сообщеніями, но, не имѣя возможности измѣнить свой жребій, сталъ въ уныніи собираться къ выѣзду изъ Москвы.

Близкій мой другъ и товарищъ по академіи, прозекторъ Ив. Бор. Алентовъ, замѣтивъ мое уныніе, для того, чтобы поразвлечь меня, сконилъ идти съ нимъ къ одной знакомой ему дамѣ, которая жила недалеко отъ академіи. Я согласился, и когда мы пришли къ ней въ гости, то она очень любезно встрѣтила Алентова, который рекомендовалъ меня за своего товарища, приняла меня ласково и пригласила пить чай, время коему уже наступило, ибо мы пришли къ ней въ 7-мъ часу вечера. Уютно мы расположились около столика съ самоваромъ и весело провели два часа въ разговорѣ съ ея двумя дочерями. Около 9 часовъ мы собрались уехать и двѣ прекрасныя нимфы получили отъ матери разрѣшеніе прогуляться съ нами, такъ какъ вечеръ былъ пріятный и теплый. Мы вышли съ ними и, дойдя до академическихъ воротъ, имѣли дерзость пригласить ихъ посѣтить нашу квартиру и посмотреть на нашъ студенческой бытъ. Онѣ легко согласились на наши просьбы, и мы вошли съ ними въ третій этажъ, въ квартиру прозектора, велѣли подать самоваръ и незамѣтно проболтали часовъ до 11, когда онѣ замѣтили, что уже поздно, и имъ время идти домой, и просили насъ проводить ихъ...

Получивъ 25 октября 1816 года 600 рублей и необходима бумага, я отправился въ Иркутскъ, имѣя до Перми попутчикомъ Ив. Дм. Заклонскаго. Въ 5-мъ часу пополудни, распрощавшись съ Алентовымъ, мы выѣхали изъ академическаго двора и помчались черезъ Рогожскую заставу на Богородскъ, куда и пріѣхали въ 12 часовъ ночи. Узнавши случайно на почтовой станціи о пребываніи въ этомъ городѣ одной моей хорошей знакомой Д. А. Толмачевой, я, несмотря на позднее время, рѣшился увидаться и проститься съ нею. Попросивши ямщика подъѣхать ненадолго къ ея дому, мы стукомъ въ ворота разбудили уже спавшую Д. А. Она, встрѣтивъ меня въ дорожномъ платьѣ, очень удивилась и спросила, куда это я собрался. Узнавъ, что въ Сибирь, она всплеснула руками и повела въ гостинную, сказавъ, что она очень рада меня видѣть. Во время нашего разговора я уз-

наль ея настоящую долю; какъ оказалось, она была женою живого мертвеца, судьбою погребеннаго въ стѣнахъ Костромскаго тюремнаго замка. Ея мужъ Θ . Н., несмотря на свою склонность къ разуму, служилъ много лѣтъ въ главной конторѣ московскаго питейнаго откупа главнымъ правителемъ дѣлъ и получалъ отъ Рюмина 12 тысячъ ассигнаціями въ годъ жалованья. Запутавши свои денежные дѣла, онъ надавалъ векселей, въ числѣ коихъ одинъ на значительную сумму былъ написанъ отъ имени генераль—маіора Θ . Толя.

Въ три часа ночи простившись съ Д. А., мы пустились въ дальнѣйшій путь, и я безъ всякихъ уже остановокъ достигъ, наконецъ, до Екатеринбурга. Здѣсь мнѣ представился случай найти себѣ новаго попутчика до самаго Иркутска, именно г. Сысоева, назначеннаго лекаремъ въ Верхнеудинскъ, съ которымъ я прибылъ въ Иркутскъ 21 декабря въ часъ пополудни.

Предполагая провести святки въ Иркутскѣ, мы нашли себѣ сначала квартиру въ домѣ Иванова, но такъ какъ для насъ двоихъ она была очень просторна, то мы принуждены были ее перемѣнить и устроились въ домѣ мѣщанина Шарыпова во Вдовьемъ переулкѣ. Явившись на слѣдующій день къ Иркутскому губернатору Н. И. Трескину, мы были приняты имъ привѣтливо, и онъ насъ разспрашивалъ о состояніи дороги по Иркутской губерніи, о положеніи больницы въ Нижнеудинскѣ, о поведеніи и здоровьѣ чиновниковъ, съ коими мы имѣли случай встрѣчаться, проѣзжая по Иркутской губерніи, и особенно подробно были разспрашиваемы о здоровьѣ Нижнеудинскаго исправника Евгр. Θ ед. Лоскутова — въ какое время съ нимъ; видѣлись, сколько времени у него провели, какъ нашли его положеніе, не приняли ли какого порученія что либо исполнить или кому передать.

Нашъ подробный рассказъ очень понравился его превосходительству, и онъ пригласилъ насъ являться къ нему каждый день обѣдать, ибо онъ очень любилъ, какъ мы потомъ узнали, быть окруженнымъ людьми, съ которыми можно бы было болтать о всякихъ предметахъ; губернаторъ часто говаривалъ намъ, что въ Сибири, по его опыту, нужны три вещи: деньги, деньги и деньги.

На этихъ обѣдахъ, послѣ которыхъ многіе, въ томъ числѣ и самъ губернаторъ, усаживались за игорные столы играть въ любимую тогдашнюю бостонную игру, мы перешагнули знакомиться съ многими чиновниками. Губернаторъ всегда

самъ приглашалъ къ предобѣденной водкѣ и за столомъ всегда имѣлъ около себя своего доктора М. С. Семичевскаго, который былъ сосланъ въ Иркутскую губернію за взяточничество при рекрутскихъ наборахъ; этотъ пожилой чело-вѣкъ завѣдывалъ всѣмъ домомъ его превосходительства, и кромѣ того, подѣ покровительствомъ своего патрона, имѣлъ практику въ Иркутской гражданской больницѣ и въ лучшихъ домахъ иркутянь.

За обѣдомъ его превосходительство часто меня спрашивалъ, указывая на какое нибудь блюдо, хорошо ли это будетъ для его желудка. Я всегда ему отвѣчалъ, что обѣдъ согласованъ со вкусомъ хозяина, и что, слѣдовательно, блюда должны быть ему полезны. Послѣ этого онъ говорилъ, что отъ слѣдованія моему совѣту онъ не замѣчалъ ухудшенія въ своемъ здоровьѣ, а отъ строгихъ Иркутскихъ докторовъ много разъ страдалъ геморроидальными коликами. Также не разъ высказывалъ мнѣ, что желалъ бы оставить меня въ Иркутскѣ, женить и дать мнѣ мѣсто въ больницѣ приказа общественнаго призрѣнія. Но когда въ день Рождества Христова мнѣ былъ указанъ домъ, въ которомъ я долженъ былъ обѣдать и провести день въ кругу одного семейства, взамѣнъ пріѣзда въ домъ его превосходительства, я ясно уразумѣлъ политику и намѣренія начальника Иркутской губерніи, расточавшаго мнѣ ласки безъ всякой заслуги съ моей стороны. Впослѣдствіи мнѣ рассказывали про одного доктора С. К. Томаньскаго, принужденнаго отъ такихъ вечеровъ бѣжать изъ Иркутска, проклиная губернаторскихъ невѣсть.

Исполняя приказаніе Трескина, я провелъ первый день праздниковъ въ домѣ Третьякова, гдѣ и обѣдалъ, а вечеромъ слушалъ игру на фортепьянахъ дочерей Третьякова, пѣніе г. Рондсынаго, пѣвца кievской, а потомъ миссіонерской пекинской капеллы*), возвратившагося изъ Пекина, и затѣмъ танцевалъ съ иркутскими барышнями до 12 часовъ ночи. Но Всевышній спасъ мою простоту и отклонилъ мое желаніе бывать на подобныхъ вечерахъ и я ожидалъ конца праздниковъ, чтобы выѣхать изъ Иркутска.

10-го января вечеромъ я долго оставался въ домѣ губернатора, забавляясь рѣзвой мартышкой и разговаривая съ

*) Фамилія точно не разобрана, вслѣдствіе неясности почерка.

сыномъ его превосходительства въ комнатахъ его учителя г. Елисѣева, поступившаго изъ университетскихъ доцентовъ на мѣсто производителя дѣлъ губернской канцеляріей. Въ 10-мъ часу подходя къ своей квартирѣ, я увидѣлъ огни въ помѣщеніи своихъ хозяевъ Шарыповыхъ, но, не интересуясь знать причину такого освѣщенія, взошелъ тихо въ свою комнату и сталъ безъ огня раздѣваться, но сынъ хозяина, услыхавъ стукъ дверей, пришелъ ко мнѣ со свѣчей. Я спросилъ у него, что у нихъ за вечеръ. Онъ отвѣтилъ, что у нихъ смотрины его сестры А. В., собрались гости, и сидятъ женихъ со свахами. Любопытствуя видѣть свадебные обряды, я изъявилъ свое желаніе отправиться къ нимъ и пошелъ съ хозяйскимъ сыномъ на ихъ половину, гдѣ увидѣлъ невѣсту, жениха и свахъ, роющихся въ приданомъ, которое было разложено по столамъ, и перешептывающихся то съ женихомъ, то между собою.

Вскорѣ женихъ со свахами уѣхали, а я остался одинъ съ хозяевами; невѣста вдругъ зарыдала и въ слезахъ ушла въ другую комнату переодѣваться. Я обратился къ матери старушкѣ съ вопросомъ, что это значить. Она отвѣчала, что свахамъ и жениху показалось у невѣсты мало приданого, и они просили денежной прибавки, а такъ какъ мы люди недостаточные, — прибавила старушка, — то и принуждены были отказаться отъ свадебныхъ переговоровъ. Разсказъ старушки и слезы дѣвушки тронули меня за ретивое, я подумалъ о своей будущей одинокой жизни, и, подъ вліяніемъ всего этого, попросилъ у ней руки ея дочери, и въ тотъ же вечеръ мы обручились и помѣнялись кольцами.

Морфей, занявшій на время мѣсто Гименея, принялъ меня въ свои объятія, и я заснулъ крѣпкимъ сномъ молодости, который былъ прерванъ въ 8 часовъ утра посланнымъ отъ губернатора ординарцемъ, съ приказаніемъ немедленно пожаловать къ его превосходительству; мнѣ оставалось наскоро одѣться и отправиться туда, куда меня звали. Въ первыхъ же комнатахъ меня встрѣтилъ вышедшій изъ губернаторскаго кабинета г. Третьяковъ, маклеръ всѣхъ дѣлъ Трескина и сухо поздравилъ меня съ начатіемъ дѣла (при чемъ я былъ не мало удивленъ, что все это такъ скоро сдѣлалось извѣстно его превосходительству), и выразилъ свое сожалѣніе по поводу той бури, которая въ видѣ губернаторскаго гнѣва, хочеть на меня обрушиться. Но, уйдя въ кабинетъ, онъ скорѣ возвратился и передалъ мнѣ, что его превосходительство не

можетъ теперь меня видѣть. Послѣ этого я уже у губернатора не бывалъ, да и онъ, конечно, не имѣлъ охоты меня видѣть.

Зайдя ненадолго къ себѣ на квартиру, я отправился потомъ къ инспектору врачебной управы, кол. совѣтнику К. А. Поддубному; сначала мы разговаривали съ нимъ о праздничныхъ увеселеніяхъ, но затѣмъ я откровенно признался ему о своемъ обрученіи съ А. В. Шарыповой и что это произошло только вчера. А. К. взглянулъ на меня весело и сталъ звать свою супругу Вѣру Дмитріевну и какъ только она взошла, то сказала ей:

— Аннушку высваталъ Гаврило Марковичъ и уже обручился.

Затѣмъ я узналъ отъ В. Дм., что она была родная племянница моей будущей тещи. Обрадовавшись этому, я просилъ ихъ заступитъ мѣсто моихъ родителей, на что они охотно согласились и назначили день свадьбы, приготовления къ которой взяли на себя.

21 января состоялась наша свадьба въ приходѣ невѣсты церкви Св. Троицы, при огромномъ стеченіи зрителей; выдержавъ трудное испытаніе отъ пересудъ и замѣчаній толпы на счетъ себя и своей невѣсты, мы съ ней отправились послѣ вѣнца въ домъ ея родныхъ, гдѣ и жили по 27-е число января, до нашего отъѣзда въ Киренскъ, куда прибыли ночью съ 1-го на 2-е февраля и остановились на временно назначенной мнѣ квартирѣ, въ домѣ купеческаго сына Дм. Пежемскаго.

Отстоявъ утромъ обѣдню въ Ильинскомъ соборѣ, я отправился съ визитами и перваго посѣтилъ Киренскаго городничаго, должность котораго исполнялъ тогда стряпчій, москвичъ П. Пв. Косолаповъ, у котораго во время пирога я перезнакомился со всѣмъ Киренскимъ обществомъ и только въ 3-мъ часу возвратился на свою квартиру къ своей молодой женѣ, съ которой и обѣдалъ...*)

V.**)

Многіе ученые признаютъ колыбелью рода человѣческаго Азію, Индію же отъ вѣковъ благодѣтельницами изумительныхъ для смертныхъ чародѣйствъ. Каста древнихъ жрецовъ, описанная Геродотомъ, называлась саманьями; намъ слово сіе знакомо изъ библейскихъ книгъ. Позднѣе, народъ, названный „родомъ бѣснующихся“, сталъ извѣстенъ и намъ; страна,

*) Перерывъ въ оригиналѣ.

**) Въ подлинникѣ озаглавлена «Описание кочующихъ тунгусовъ Иркутской губ., Киренскаго окр., сдѣланое въ 1817 году.»

имъ обитаемая, была за Имаусомъ или Лунными высотами. Тунгусскій народъ, занимающій нынѣ сѣверныя части Восточной Сибири, останавливаетъ на себѣ вниманіе, при розысканіи въ ихъ обычаяхъ сходства съ древними саманѣями, прозванными впоследствии шаманами. Отъ великихъ народныхъ движеній на югъ Азии, весьма вѣроятно, что тунгусское племя, обитавшее прежде южняе, появилось изъ за Саянскихъ и Даурскихъ горъ и поселилось въ Сибири; кумирницы съ истуканами, доселѣ на высотахъ находимыя, свидѣлствуютъ о своемъ происхожденіи изъ чуждыхъ и отдаленныхъ странъ.

Нынѣшній тунгусскій народъ роста средняго; руки имѣютъ довольно длинныя, ноги тонкія, лобъ узкій, лицо широкое и плоское, вышитое у многихъ мужчинъ узорами, вродѣ елки, по щекамъ, на лбу и подбородкѣ; сія украшенія почитаютъ они между собою высокимъ щегольствомъ; глаза имѣютъ узкіе, черные, волосы тоже черные, прямые, длинныя, заплетаемые въ нѣсколько косичекъ, къ которымъ подвязываются на ремняхъ бисерныя плетенки, цвѣтъ кожи темный, станъ сухой и неуклюжій, походку имѣютъ съ наклономъ впередъ. Женскій полъ, на которомъ лежитъ все хозяйство, какъ по наружности, такъ и по одеждѣ почти одинаковъ съ мужскимъ. Вообще тунгусы на охотѣ и рыбной ловлѣ выказываютъ удивительныя проворства, смѣлость и искусство. Любопытныя черты сего народа заключаются въ ихъ самоотверженіи, преданности и заботливости о другихъ, также въ чрезмѣрной покорности приказаніямъ начальниковъ своихъ. Самая непріятная сторона въ этомъ народѣ—это склонность къ хмѣльнымъ напиткамъ, подъ вліяніемъ которыхъ, то располагаются они къ пляскамъ, то къ ссорамъ и дракамъ. Приходится удивляться ихъ состраданію къ бѣдствующимъ сородичамъ, что выражается у нихъ по образу вышаго христіанскаго ученія; мнѣ пришлось быть однажды въ одной самой дикой ордѣ, по нижней Тунгускѣ, Киренскаго уѣзда, называемой Конергирской, во время голодовки, 1817 года случившейся; когда князецъ ихъ принялъ хлѣбъ для всей ихъ братіи, тутъ бывшей, отъ земскаго исправника Шевелева, и сталъ одѣлать ихъ мелкими дачами, тогда всякій приѣмлющій свою часть становился на колѣни и со сложенными ладонями, какъ бы христіанинъ, приступающій къ антидору, наклоняя голову и цѣлуя подающую руку. Нѣкоторые обычаи удивительны у сего народа; добывъ во время охоты какого либо звѣря, они оставляютъ добычу на тропѣ, чтобы прибрать ее по окончаніи дневного промысла.

и ни одинъ мимо проходящій тунгусъ до нея не коснется; они не трогаютъ также положенныхъ при умершихъ сѣдель, луковъ, винтовокъ и пр., которые однако же иногда крадутся русскими. Умершихъ еще и теперь, хотя обычай этотъ и выводится подвѣшивають на высокихъ деревьяхъ, а разныя вещи покойнаго развѣшиваютъ по вѣтвямъ того же дерева. Во время досуговъ отъ охоты, тунгусы занимаются рѣзбою на кости, украшая разные свои предметы домашняго обихода, изображеніями круговъ, полушарій, линий и т. п. Ихъ склонность и любовь къ украшеніямъ изъ бисера не указываетъ ли, что они были прежде обитателями страны, производившей самоцвѣтные камни. Берестяная лодка и двуручное весло, винтовка или лукъ со стрѣлами, — главные принадлежности каждаго тунгуса. Свободная жизнь сего народа выражается въ перекочевкахъ, иногда каждо-дневныхъ, съ перестановкой своихъ юртъ конусообразныхъ, состоящихъ изъ жердей, покрытыхъ кусками бересты; среди пустынныхъ лѣсовъ сѣвера, не похожихъ на природу Индіи, тунгусъ получаетъ: вмѣсто риса — сибирскую сарану, за кокосъ, — плоды кедра и за финикъ приѣмлетъ ягоды черемухи; стоя близко къ природѣ, вмѣсто индійской пагоды чашу лѣсную избираетъ себѣ храмомъ и алтаремъ. Я былъ очевидцемъ шаманскихъ тайнодѣйствій; они состояли въ томъ, что всѣ присутствующіе сѣли полукругомъ по обыкновенію, въ восточной части юрты, отворотивъ свои головы въ сторону и приложивъ руки къ ушамъ, какъ бы ожидая чего нибудь внезапнаго; по срединѣ этого полукруга сѣли два шамана и, приложивъ руки къ ушамъ, начали качаться, изъ стороны въ сторону, попеременно одинъ за другимъ; за симъ раздался дикій напѣвъ перваго, а потомъ и втораго шамана; затѣмъ пѣсню эту подхватили и всѣ возсіяшіе до проявленія въ шаманахъ восторженности, которая выражалась въ измѣненіяхъ лица, въ сверкающихъ взорахъ, въ тѣлодвиженіяхъ; потомъ пѣснь умолкла и подъ звуки бубновъ шаманы начали пророчествовать о судьбахъ народныхъ и отдѣльныхъ лицъ. Послѣ исполненія сей церемоніи, на смѣну выступило упоеніе виномъ, а затѣмъ началась пляска, которая заключалась въ томъ, что всѣ взяли другъ друга за крыльца руками и въ поступательномъ хороводѣ съ припѣвомъ переступали съ ноги на ногу.

VI.

Въ то время, когда въ любезномъ нашемъ отечествѣ строилися замыслы дать другой образъ законодательству,

усиливались союзы для искупленія отъ насилия и властолюбія, отдаленная Сибирь мало обращала вниманія на дѣла Европейской Россіи. Я въ это время прибылъ изъ Восточной Сибири въ Тобольскъ на классную при Врачебной Управѣ должность и встрѣченъ былъ привѣтно товариществомъ моимъ. Почти на первыхъ же порахъ мнѣ пришлось наблюдать умопомѣшательство вице-губернатора Тобольскаго Пассенко, въ ту пору служившаго въ Тобльскѣ.

Дмитрій Степановичъ Пассенко, Статскій Совѣтникъ и кавалеръ, 45 лѣтъ отъ роду, былъ уроженецъ Кіевской губерніи, человѣкъ сложенія сухого, темперамента мокротно-желчнаго, отъ природы не былъ одаренъ способностями душевными и силою разума сверхъ обыкновеннаго человѣка и, несмотря на сдержанность, приличную его достоинству, обнаруживалъ слѣды тупоумія и строптивости въ своихъ поступкахъ. Склонный, какъ многіе малороссіяне, широко вести жизнь, женился въ Тобольскѣ на единственной дочери купца 1-й гильдіи А. И. Широкова и получилъ за женою значительное приданое, а съ тѣмъ вмѣстѣ возымѣлъ надежду, по бездѣтности своего тестя, быть полнымъ властелиномъ его капитала и души. Простодушный торговецъ, много лѣтъ занимавшійся торговлей китайской, польщенъ былъ счастіемъ имѣть чиновнаго зятя, не щадилъ ничего, чтобы угодить своимъ дѣтямъ, дѣлалъ всякое потворство ихъ прихотямъ, тѣмъ паче, что у обоихъ находилъ сходство въ желаніяхъ; на деньги своего родителя молодые повели веселую жизнь, жили открыто, дѣлали разныя вечеринки и ужины и увлекли за собою на то же и высшую Тобольскую публику; къ тому же, кромѣ бостона, усилились азартныя игры и умножилось общество игроковъ. Съ теченіемъ времени такая жизнь отозвалась на средствахъ Пассенко, который не думалъ о русской пословицѣ—беречь денежку на черный день, сталъ въ натянутыхъ отношеніяхъ съ тестемъ, слѣдался холоденъ къ своей женѣ и захандрилъ, а хандра перешла впоследствии въ умопомѣшательство, не смотря на старанія доктора Альберта лечить своего пациента открытымъ докторомъ въ вершинахъ рч. Курдюмки источникомъ минеральныхъ водъ.

Болѣзнь въ начальныхъ явленіяхъ признана была врачующими Пассенко докторами—Альбертомъ и Воронцовымъ за грудное воспаленіе отъ простуды и болѣе трехъ недѣль проводимъ былъ противо-воспалительный методъ леченія, но безъ успѣха; больной сталъ однажды обнаруживать все бо-

лѣе и болѣе странностей; такъ напр., у него явилась страсть ѣздить на стулѣ по обширному своему залу, пользуясь своими силами, а свою жену, особу тучную, онъ заставлялъ бѣгать впереди себя, безъ чулковъ, чтобы не услышанъ былъ пожной топотъ прислугой, отъ коей все это тщательно скрывали. Таковую работу Пассенко продѣлывалъ съ своей супругою часами и оставлялъ ее тогда, когда оба выбивались изъ силъ и слуги отводили ихъ въ постель. Такія странности продолжались съ недѣлю и, хотя доктора убѣдились въ его несмѣшательствѣ, но леченіе ихъ успѣха не имѣло. Во время одного изъ такихъ припадковъ стоявшій въ передней лакей подсмотрѣлъ происходившее въ залѣ и тотъ часъ послалъ за докторомъ Воронцовымъ, который, прибывъ къ Пассенко и посмотря тихонько изъ передней на занятіе своего пациента, велѣлъ принести ковшъ студеной воды, подкрался къ Пассенко и вылилъ ему на голову. Въ тотъ же вечеръ состоялось собраніе всей родни Дмитрія Степановича, на которомъ пользовавшіе его медики объявили о крайне опасномъ положеніи больного; лекарства были оставлены, а вмѣсто нихъ затеплились лампы съ неугасимыми огнями, нослышались молитвы и воздыханія родни. Къ счастью, Богъ внялъ молитвамъ окружающихъ больного и, утромъ проснувшись, Пассенко пожелалъ, чтобы составили консилиумъ, на который доктора Альбертъ и Воронцовъ пригласили меня. Приѣхавъ на консилиумъ немного ранѣе моихъ товарищей, мнѣ удалось отъ самого больного получить свѣдѣнія о прежнихъ его припадкахъ; я не нашелъ состояніе Пассенко совершенно безнадежнымъ и рѣшился поддерживать свое мнѣніе на консилиумѣ. По прибытіи моихъ коллегъ, между мною и ими зашелъ споръ о болѣзни и о способѣ для леченія, который вскорѣ привелъ къ взаимному неудовольствію: я отстаивалъ свое мнѣніе и отъ меня потребовали рецептъ; я сѣлъ за столикъ и написалъ. Альбертъ, прочитавши его, иронически и даже злобно сказалъ: «желаю Вамъ успѣха»; что то еще пробормоталъ и ушелъ, за нимъ послѣдовалъ и Воронцовъ. Я остался одинъ. Не считая себя въ правѣ отказаться отъ леченія, принялъ больного на свои руки, послалъ за лекарствомъ, которое состояло въ порошкахъ, заключающихъ въ себѣ коломель, сѣрнистый антимоній и опій, для приѣма въ малыхъ, но учащенныхъ дозахъ, сталъ самъ давать больному лекарство и къ полночи велѣлъ приготовить для него ванну. Просидѣвъ до 2 часовъ ночи, наблюдая пациента, я былъ доволенъ своимъ трудомъ и не скучалъ, желая уразумѣть сложную болѣзнь и обрѣсти возможность избавить больного отъ оной.

Мало по малу, подъ вліяніемъ моего леченія, больному дѣлалось лучше, умопомѣшательство его ослабѣвало, я постепенно уменьшалъ дозы лекарствъ и визиты мои сдѣлались рѣже, хотя мой пациентъ, по слабосилію, не оставлялъ еще своей постели, но я надѣялся на хорошей исходъ, видя усиленія пищеварительныхъ способностей, а вмѣстѣ съ тѣмъ оживляющихъ силъ всего организма. При такомъ состояніи больного, по совѣту моему, онъ былъ ввѣренъ наблюденію г. Бѣлявскаго*), молодого врача, прибывшаго въ Тобольскъ на должность окружнаго врача, хотя продолжалъ я дѣлать утренніе визиты, на которыхъ мы обсуждали сообща положеніе больного.

Вдругъ у пациента опять появились старые признаки умопомѣшательства и однажды утромъ, послѣ довольно неспокойнаго ночью сна, Пассенко опять принялся за сумасбродство; выйдя въ гостинную, онъ призываетъ свою супругу и домашнихъ людей, ставитъ ихъ рядомъ, а самъ, обратившись лицомъ къ стѣнѣ, сдергиваетъ съ себя рубашку и начинаетъ возношенія мысли и сердца къ Богу, приказывая всѣмъ благоговѣнно и чинно стоять въ молчаніи, не покидая своихъ мѣстъ. Тотчасъ было послано за мною и за Бѣлявскимъ. Я, пріѣхавши первымъ, засталъ описанную сцену, а также услышалъ обращенное ко мнѣ повелительное приказаніе больного стать съ прочими рядомъ; я сталъ возлѣ супруги Пассенко и началъ спрашивать о припадкѣ, какъ вдругъ входитъ Бѣлявскій, которому тоже дается строгое приказаніе молчать и стоять въ благоговѣніи. Бѣлявскій становится подлѣ меня и говоритъ:

— Уйдемъ, что остается тутъ дѣлать.

Вдругъ больной быстро подходитъ къ намъ, приказываетъ молчать и говорить, что таково повелѣніе свыше.

Я на это отвѣтилъ больному громко:

— Не думаемъ передъ вами молчать. — Затѣмъ, я схватилъ Бѣлявскаго и сталъ съ нимъ кружиться вальсомъ въ обширной гостинной, домочадцы же и прислуга всѣ разбѣжались.

Дмитрій Степановичъ пришелъ въ ожесточеніе, заругался, чтобы бросать въ насъ, — схватился за стулья, которые были очень тяжелые, ворочалъ огромнѣйшій диванъ, гналъ насъ вонъ, собирался насъ бить; мы же порядочно повертѣлись, а Пассенко, выбившись изъ силъ, звалъ людей, чтобы помогли ему добраться до постели. Улегшись въ постель, боль-

*) Написалъ книгу «Пѣздка къ Ледовитому морю». Москва, 1833 г.

ной затихъ, мы же всё убрались въ задніе покои и ждали слѣдствій нашихъ поступковъ. Вдругъ слышанъ изъ его комнаты колокольчикъ и супруга его пошла на зовъ первая, входитъ къ мужу и слышитъ отъ него:

— Ахъ, Саша, я оскорбилъ докторовъ! Здѣсь ли они? Пошли скорѣе за ними, я передъ ними извинюсь. Что то такое нашло на меня. Будто я всѣмъ свѣтомъ повелѣвать избранъ и всѣхъ долженъ былъ заставить меня слушаться.

Супруга, замѣтивъ ему о дерзости, съ какою онъ съ нами обращался, сказала, что она сомнѣвается, пріѣдутъ ли доктора; впрочемъ, обѣщалась сейчасъ послать, и вышла отъ него. Узнавъ о желаніи больного видѣть пастъ, немного подождавъ, я вошелъ къ нему, онъ былъ обрадованъ, просилъ извиненія, говорилъ о своемъ временномъ умопомѣшательствѣ и усердно просилъ не лишать его нашего попеченія и надзора; тоже говорилъ и пришедшему вскорѣ Бѣлявскому. Мы успокоили больного и осмотрѣли его; кожа приняла надлежащій видъ, а пульсъ былъ нѣсколько ускоренъ и неправиленъ. Посовѣтовавъ пациенту употреблять вмѣсто питья легкой чай, мы уѣхали отъ него.

Слѣдующая ночь была проведена больнымъ беспокойно, сонъ былъ прерывчатъ; пациентъ заставлялъ прислугу то снять сапоги, то чулки, то опять надѣть сапоги, то покрыть ноги одѣяломъ, то что нибудъ подать, за промедленіе сердился. Пріѣхавши утромъ къ больному и узнавъ, какъ онъ провелъ ночь, я внушилъ всѣмъ домашнимъ отказывать ему въ вздорныхъ требованіяхъ, не вѣдаться съ нимъ въ разговоры и на призывъ его не являться. Такъ и было поступлено. На слѣдующій день Пассенко жаловался мнѣ и Бѣлявскому на невниманіе къ нему со стороны домашнихъ, на что мы отвѣчали, что всё выбились изъ силъ, вслѣдствіе его капризовъ и прихотей. Дмитрій Степановичъ далъ клятвенное обѣщаніе такъ болѣе не дѣлать и просилъ меня убѣдить его супругу быть постоянно при немъ и позволить тецѣ его видѣть, а старикъ Широковъ пусть бы пока не показывался, ибо онъ его терпѣть не можетъ. Все это я обѣщаль ему устроить. Хотя больной и успокоился, но вслѣдствіе ненормальнаго состоянія организма проявилъ склонность къ обжорству, особенно по утрамъ; больной пожиралъ съ дрожью, едва разжевывая, цѣлые куски бѣлаго хлѣба, рвалъ торопливо зубами, безобразно пяля ротъ, отворачиваясь отъ находившейся при немъ прислуги. Намъ ничего не оставалось дѣлать, какъ поить его вѣнскимъ сабительнымъ питьемъ, котораго и было назначено на дневную пор-

цію до 1¹/₂ фунтовъ; подъ вліяніемъ этого средства такое обжорство стало мало по малу проходить, чему не мало способствовали, подъ конецъ, приемы ароматическихъ экстрактовъ; пищевареніе сдѣлалось правильнѣе, больной началъ ѣсть за общимъ семейнымъ столомъ и вообще вести обыкновенную жизнь; послѣ обѣда прогуливался въ аранжереѣ и садикѣ, а до обѣда его шутливый сородичъ-уманецъ занимать больного чтеніемъ „Донъ-Кихота“ на молороссійскомъ языкѣ. Все повидимому шло къ лучшему и все говорило о возстановленіи его здоровья, каковое состояніе не могло не радовать его родныхъ. Мы, впрочемъ, боялись возвращенія припадковъ, такъ какъ по опыту знали, что всякая бездѣлица дѣйствовала на больного.

Францъ Михайловичъ Бѣлявскій имѣлъ обыкновеніе подкладывать подъ бѣлую съ брызжами манишку, чтобы на груди она казалась пышнѣе, нѣсколько листовъ бумаги. Какъ-то будучи у больного, онъ вздумалъ поправить свою манишку.

— Что это тутъ шумить у Васъ?—спрашиваетъ пациентъ.

Бѣлявскій отвѣчаетъ, что, по случаю вѣтряной погоды, для тепла подложилъ нѣсколько листовъ газетной бумаги.

— Какъ она у васъ держится?—спросилъ Пассенко.

— Я ее подвѣшиваю вмѣстѣ съ манишкой къ шеѣ,—отвѣчалъ Бѣлявскій.

Когда Бѣлявскій уѣхалъ отъ больного, тотъ замыслилъ, во избѣженіе простуды и себѣ сдѣлать такую же манишку призываетъ свою жену и проситъ у нея 15 аршинъ узкой тесьмы и ножницы; та, не зная, на что все это ему понадобится, даетъ ему просимыя вещи. Пассенко беретъ большую охапку старыхъ газетныхъ листовъ, уходитъ въ гостинную, призываетъ прислугу, жалуется, что ему холодно и приказываетъ оттащить огромную софу съ высокой спинкой отъ стѣны и поставить ее посреди гостиной задней стороною къ окнамъ, дабы оттуда не пахнуло вѣтромъ; затѣмъ онъ, запершись, сталъ кроить манишку изъ газетной бумаги, стричъ листы, рѣзаль тесьму, примѣривалъ сдѣланное на шею и на трудъ, но у него ничего не выходило и онъ сердился и бѣгалъ по комнатѣ. Сказали объ этомъ его супругѣ, но она не могла попасть въ гостинную, постучалась въ дверь и слышитъ голосъ мужа:

— Никто не входи.

Послали за мной. Я приѣхалъ; мнѣ удалось стихонько черезъ спальню проникнуть въ гостинную и скрыться за спинкой софы; Пассенко сидѣлъ на софѣ, держа бумагу и ворчалъ:

— Чортъ знаетъ, какъ тутъ дѣлается.

Поднявшись изъ за софы, я спросилъ его:

— Чѣмъ это вы занимаетесь, Дмитрій Степановичъ?

Онъ взянулъ на меня, засмѣялся и отвѣчалъ:

— Кроилъ манишку, перестригъ всю бумагу, но не могъ потрафить, какъ у Франца Михайловича.

— Бросьте,—сказалъ я ему,—на что вамъ она.

Онъ мнѣ отвѣчалъ, что изъ дверей дуетъ и онъ боится простуды, но все таки оставилъ свое занятіе и ушелъ въ спальню, а я поѣхалъ домой. Вечеромъ къ нему приѣхалъ Бѣлявскій и онъ сталъ спрашивать у него способъ, какъ дѣлать манишку. Тотъ увѣрилъ его, что это дѣло мастериць:

— Закажите имъ и онѣ сдѣлаютъ.

Вскорѣ, впрочемъ, началось поправление больного, а черезъ нѣсколько времени Пассенко сталъ ходить на службу, и весною 1825 года онъ уѣхалъ изъ Тобольска на родину.*)

VII.

Осенью 1859-го года, возвращаясь изъ низовыхъ волостей по Иртышу, изъ поѣздки по своей врачебной обязанности, въ первый разъ усмотрѣлъ комету въ Юрьевскомъ селеніи, 5-го сентября въ 10-ть часовъ вечера; явленіе сіе мнѣ не было ново, а прибывши въ Тобольскъ, только и рѣчей слышалъ что о кометѣ и ожидаемыхъ отъ нея событіяхъ на страхъ народовъ. 14-го сентября, по отслушаніи литургіи въ Михайло-Архангельской приходской церкви, зашелъ къ А. Л. Жилину, и засталъ у него гостей, разговаривавшихъ о появившейся кометѣ, ея величинѣ и путяхъ въ пространствѣ.

Въ томъ же году принялъ къ себѣ въ нахлѣбники священническаго сына Путилова, съ родителемъ коего Вас. Федор., состоявшимъ въ это время боагочиннымъ, былъ близокъ и пользовался его расположеніемъ; мальчикъ сей съ завиднымъ прилежаніемъ и склонностью къ наукамъ, безукоризненнаго поведенія, проходилъ курсъ образованія въ Тобольской семинаріи. Его родитель, будучи доволенъ успѣхами своего сына, много благодарилъ меня за мои заботы о немъ, и уѣзжая къ мѣсту новаго служенія въ г. Ялуту-

*) Перерывъ въ оригиналѣ.

ровскъ, оставилъ его на моемъ полномъ попеченіи. Въ началѣ зимы съ 15—лѣтнимъ юношей вдругъ произошла перемѣна и несмотря на заботливость нашей семьи, онъ сдѣлался грубымъ, началъ проявлять несвойственныя его возрасту прѣвычки, меньше обращать вниманія на ученіе, и пристрастился къ иконописательству. Вслѣдствіе сей одолѣвшей его страсти, онъ домогался занять отдѣльную комнату, а такъ какъ отдѣльнаго свободнаго покоя у насъ не было, то я старался по возможности не стѣснять его. Стѣздивъ къ своимъ на праздникъ Рождества въ Ялutorовскъ, юноша послѣ каникулъ явился къ намъ совсѣмъ другимъ, отказался отъ употребленія общаго съ нами чая, поставилъ намъ въ обязанность вмѣсто него приготовить два стакана молока, сталъ манкировать уроками, проявлялъ склонность къ щегольству, иногда проводилъ ночи внѣ своей квартиры и вообще возымѣлъ о себѣ высокое мнѣніе; вслѣдствіе всего этого, лишившись въ семинаріи стипендіи, утвердился на одномъ рисованіи картинъ итальянской школы; въ то же время я узналъ, что на юношу оказывалъ вліяніе сосланный польскій повстанецъ Францъ живописецъ, занимавшійся иконописаніемъ. Обо всемъ этомъ я сообщилъ его родителямъ въ г. Ялutorовскъ, пославъ письмо съ отправившимся туда на службу чиновникомъ Бярминымъ, на каковое письмо родители просили меня употребить всѣ мѣры, чтобы направить сына на путь его достойный. *)

Дрожащею отъ скорби рукою запечатлѣваю въ свой дневникъ то, что началось со мною въ Tobольскѣ, 1829 года, въ июньскіе предпоследніе дни; сколь тягостному страданію безъ причины, по повелѣнію единого рока, подвергается не рѣдко человѣкъ. Такъ и я неоднократно съ слезами взывалъ, искалъ и не пріобрѣлъ ни у кого помощи и испилъ горестную свою чашу до капли въ дни плоти своея. Я пью 30 съ лишкомъ лѣтъ.....**)

Сообщилъ И. Кузнецовъ—Красноярскій.

*) Пропускъ въ рукописи.

***) Часть листовъ въ концѣ рукописи вырвана.

ЛѢТОПИСЬ

Усинской миссіи, находящейся на рѣкѣ Усу, Енисейской губ.,
Минусинскаго округа, Шушенской волости, близъ Китайской
границы.

(Продолженіе).

Продолженіе дѣятельности миссіонера въ 1879 году.

2 ноября я получилъ отъ епархіальнаго комитета предложеніе отъ 19 октября 1879 года за № 244, которымъ, по распоряженію совѣта миссіонерскаго общества, требовались свѣдѣнія о числѣ всѣхъ вообще сойотъ, и много ли изъ нихъ желающихъ принять христіанскую вѣру и сколько собрано денегъ на постройку храма.

При этомъ предложеніи я получилъ письмо отъ секретаря консисторіи, въ которомъ онъ увѣдомляетъ, что планъ и разрѣшеніе на заготовку лѣса немедленно вышлются.

На предложеніе комитета я отвѣчалъ слѣдующее.

„1. Инородцы, населяющіе Усинскій край, называются сойотами и состоятъ китайскими подданными. Они обитаютъ вдоль нашей границы, занимая пространство верстъ въ двѣсти шириной по р. Енисею и его притокамъ. Они живутъ, начиная отъ Бійскаго округа до Иркутской губерніи. Всего ихъ насчитываютъ до 90 тысячъ взрослыхъ мужчинъ; изъ этого числа примыкаютъ къ Усинскому краю до 30 тысячъ душъ. Эти инородцы постоянно переходятъ нашу границу и живутъ по р. Усу и его притокамъ, но все они составляютъ подвижное населеніе. Сегодня они здѣсь, а завтра уходятъ въ свои кочевья. Впрочемъ, замѣтно, что число сойотъ въ Усинскомъ краѣ съ каждымъ годомъ постепенно увеличивается.

Теперь населеніе сойотъ въ Усинскомъ краѣ представляется въ слѣдующемъ видѣ. Въ Усинскихъ деревняхъ 200 душъ близъ урочща Семіозерковъ до 100 душъ, на Устьѣ Уса и

вверхъ по Енисею 250 душъ и по разнымъ рѣчкамъ, впадающимъ въ Усь, 150 душъ, а всего 700 душъ. Всѣ эти сойоты въ недавнемъ времени были шаманской вѣры.

2. На урочищѣ Семіозерки и на Устьѣ Уса живетъ 35 душъ Минусинскихъ татаръ; всѣ они крещеные, но тѣмъ не менѣе соблюдаютъ шаманскіе обряды и легко поддаются оболъщенію ламъ. Они только по имени христіане.

3. Изъ числа сойотъ никто здѣсь еще не крещенъ, потому что здѣсь нѣтъ до сего времени ни церкви, ни священника. Въ бытность въ здѣшнемъ краѣ свящ. о. Гавріила Сидна нѣсколько сойотъ заявляли желаніе креститься, но тогда не было еще разрѣшенія ихъ крестить, а теперь, когда получено это разрѣшеніе, некому надъ ними совершить это таинство.

4. Мнѣ заявляли желаніе креститься до 35 человекъ сойотъ и, кромѣ того, съ кѣмъ бы изъ нихъ я ни заговаривалъ о крещеніи, они всегда соглашались со мною. Но многіе изъ желавшихъ креститься ушли въ кочевья, и я не знаю теперь, остались ли они при своемъ намѣреніи, ибо на нихъ тамъ сильно вліяютъ ламы и шаманы. Надобно сказать, что сойоты народъ полудикій: они никогда не только не видали никакихъ наружныхъ знаковъ христіанскаго богослуженія, но даже никогда не слыхивали имени Господа нашего Иисуса Христа, а потому въ среду ихъ трудно провести христіанскія идеи. Это можно сдѣлать временемъ и настойчивостью, а никакъ не вдругъ. Конечно, окрестить ихъ можно много, но внушить имъ христіанскія истины можно только временемъ. Я полагаю, что торопливость въ этомъ дѣлѣ можетъ даже повредить утвержденію христіанства между сойотами, а потому я осмѣливаюсь при семъ представить свои соображенія относительно обращенія этихъ инородцевъ въ христіанство.

Прежде всего, я предполагалъ бы выучить въ здѣшней школѣ 2 или 3 сойотскихъ мальчиковъ, которые впоследствии могли быть проводниками христіанства между сойотами, ибо тѣ, которые не знаютъ ихъ языка, только съ весьма большимъ трудомъ могутъ проводить идеи христіанскаго ученія въ среду сойотъ. Затѣмъ, необходимо принимать въ школу сойотскихъ дѣтей, которыхъ родители охотно отдаютъ учиться и которые весьма способны для этого. Далѣе, нужно выписать для этой школы монгольскіе азбуки, грамматику, словарь и ветхій и новый завѣтъ, такъ какъ у сойотъ письменнымъ языкомъ служитъ монгольскій. Наконецъ, сойоты народъ младенчествующій и всякая наружная обстановка сильно поражаетъ его, а поэтому пока сойоты не будутъ видѣть ни

христіанской церкви, ни христіанскаго богослуженія и обрядовъ, дотолѣ трудно ожидать, чтобы они скоро усвоили христіанское ученіе, ибо при обращеніи въ христіанство нужно дѣйствовать столько же на воображеніе и чувство, сколько на умъ этого народа. Слѣдовательно, главнымъ образомъ здѣсь нужны церковь и школа, о чемъ я и хлопочу, но одинъ я здѣсь много сдѣлать не могу; я не исключительно занятъ обращеніемъ инородцевъ, какъ извѣстно вашему преосвященству. Напротивъ, я долженъ обратить большее вниманіе на другое; именно: сдерживать раскольниковъ отъ распространенія ими пропаганды, устраивать бытъ православныхъ, учить дѣтей, собирать деньги на училище и церковь и заготовлять матеріалы для постройки. Кромѣ того, я долженъ часто отлучаться съ Уса, а потому постояннаго вліянія я теперь не могу имѣть на сойотъ, да безъ церкви и школы едва ли это и возможно. Иное будетъ, когда устроится дѣло, тогда я могу всецѣло посвятить себя проповѣди и ученію. Г. министръ иностранныхъ дѣлъ, разрѣшая принимать въ лоно православной церкви сойотъ, поставилъ условіемъ, чтобы сойотъ крестить не цѣлыми родами и обществами, а единичными личностями и чтобы смотрѣть на побужденія, которыми они руководствуются, принимая св. крещеніе. Слѣдовательно, и тутъ должно дѣйствовать осторожно, а не вдругъ. Пусть сами сойоты сознаютъ необходимость христіанской вѣрѣ, которую не слѣдуетъ навязывать имъ, а нужно, чтобы христіанскія идеи распоространялись въ массѣ сойотскаго народа, для чего лучшими проводниками я опять таки считаю школу и церковь, основаніе которыхъ необходимо въ Усинскомъ краѣ. Я не докладываю вашему преосвященству о важности для русскихъ обращенія этихъ инородцевъ, такъ какъ объ этомъ я уже нѣсколько разъ докладывалъ, а за сойотами живутъ монголы язычники: жатвы здѣсь много, а дѣлателей мало.

Собрано на церковь и школу: Путиловымъ 319 р. 48 к., сборщикомъ Горбуновымъ 110 р. 98 к. и членскихъ взносов 23 р., а всего 452 р. 66. Изъ этихъ денегъ употреблено на постройку церковной караулки, въ которой я живу, 138 руб. 35¹/₂ к., амбара 48 р., училища 148 р. 9¹/₂ коп., а всего 334. Затѣмъ, остается денегъ у сборщика Горбунова 40 р. и у меня на постройку училища 78 р. 60 к.*).

*) Цифры, очевидно, приведены не точно, такъ какъ исчисленія не совпадаютъ съ данными.

денегъ далеко недостаточно на окончаніе постройки училища, ибо по смѣтѣ на это нужно слишкомъ 700 р., кромѣ мебели. Но все таки я надѣюсь, что Богъ поможетъ мнѣ окончить работу въ будущее лѣто“.

Секретарю Иноземцеву я отвѣчалъ слѣдующее.
„Почтеннѣйшее письмо ваше я имѣлъ честь получить, за которое очень, очень вамъ благодаренъ.“

Бумага, полученная мною отъ комитета, не порадовала. Какъ будто совѣтъ миссіонерскаго общества холоднѣе сталъ относиться къ дѣлу. Ну, да Богъ съ нимъ! Если онъ въ по-собіи откажетъ, то мы ужъ какъ нибудь, при помощи вла-дыки, сами устроимъ дѣло, хотя это и будетъ трудно. Я на предложеніе комитета старался выяснитъ дѣло, насколько могъ, подробнѣе, а васъ покорнѣйше прошу, если что най-дете неладнымъ или лишнимъ въ моемъ донесеніи, исправить. Какъ только получу разрѣшеніе на заготовку лѣса и копію съ плана, то поѣду въ Каратузь и Минусинскъ и условлюсь съ жертвователями насчетъ постройки храма, а потомъ, въ началѣ декабря, поѣду на Усь. Я стараюсь всѣми сила-ми, чтобы скорѣе устроить дѣло, но къ несчастью, средства мои весьма ограниченны, такъ что даже на заготовку лѣса нужно будетъ позаимствовать. Впрочемъ, по книжкамъ нѣкоторые члены собираютъ хорошо. По случаю развитія въ Усинскомъ краѣ золотопромышленности все стало тамъ страшно дорого, и я истощаю послѣднія свои средства на про-кормленіе своего семейства. Нынѣ доходило дѣло до того, что я остался было безъ хлѣба. Спасибо Гусевскіе промысла помогли. Если бы устроилось дѣло, тогда я могъ бы занять-ся хозяйствомъ, а теперь я долженъ всякую малость поку-пать. Можетъ быть, Богъ поможетъ все это какъ нибудь устроить, а добрые люди не оставятъ меня безъ помощи, такъ какъ моихъ средствъ хватить не надолго. Только Москва, какъ видно, медленно подвигаетъ дѣло; стало быть, сытый голодного не разумѣетъ“.

30 ноября получилъ я изъ епархіальнаго комитета от-ношеніе отъ 23 ноября за № 245, при которомъ приложены эскизы церкви, и разрѣшеніе на заготовку лѣса. 9 декабря я получилъ о томъ же отношеніе о. благочиннаго отъ 6 де-кабря за № 658. Получивши эскизъ церкви, я 3 декабря от-правился въ Каратузь и предъявилъ этотъ планъ г. Денисову, который принялъ его и обѣщалъ не только построить цер-ковь своими рабочими, но и употребить на это свои матеріа-лы. 10 декабря я предъявилъ планъ и г. Гусеву.

5 декабря послалъ я приглашенія о вступленіи въ чле-ны миссіонерскаго общества о. Стефану Смирнову, Половни-кову и Завиткову. Отъ Завиткова я получилъ согласіе.

Въ то же время я послалъ письмо къ золотопромышленнику Выткину съ просьбой снабдить насъ заимообразно 200 рублей на заготовку лѣса. Кромѣ того, я послалъ письмо къ Алекс. Фед. Кузнецовой слѣдующаго содержанія.

„Покойный вашъ супругъ Петръ Ивановичъ 18 февраля 1878 года пожертвовалъ 200 руб. на постройку училища при Усинской миссіи и при этомъ обѣщался еще болѣе помочь, когда начнется постройка Усинской церкви. Объ этомъ извѣстно было и его преосвященству, ибо я тогда же докладывалъ владыкѣ какъ о пожертвованіи, такъ и относительно обѣщанія Петра Ивановича. Къ несчастію, вскорѣ послѣ этого вашъ супругъ волею Божіей умеръ, не исполнивъ своего намѣренія. Теперь мы приступаемъ къ постройкѣ церкви на Усу. Нашлись такіе боголюбивые люди, которые взяли построить церковь на свой счетъ. Матеріалы же заготовить должны мы къ августу будущаго года, но и на это у насъ не достаетъ средствъ, а между тѣмъ, время остается короткое. Поэтому я рѣшилъ обратиться къ вамъ съ покорнѣйшею просьбою, не поможете ли вы намъ чѣмъ либо въ этомъ случаѣ и тѣмъ исполните намѣреніе вашего покойнаго супруга, а Усинская церковь будетъ вѣчно его поминать въ своихъ молитвахъ, а если вы изволите затрудниться въ этомъ, то нельзя ли ссудить насъ хоть 300 или 200 руб. заимообразно; мы послѣ, по сборѣ денегъ, возвратимъ ихъ вамъ изъ миссіонерскихъ суммъ. Деньги можете переслать Минусинскому благочинному о. прот. Г. Бенедиктову, или передать лично преосвященному владыкѣ Антонію, который прикажетъ переслать ихъ по принадлежности и котораго я я буду вмѣствѣ съ симъ просить о томъ. Во всякомъ случаѣ я смѣю надѣяться, что вы не откажетесь почтить меня увѣломленіемъ по сему предмету“.

Въ тоже время я послалъ донесеніе архіерею слѣдующаго содержанія.

„Эскизъ церкви, предполагаемой къ постройкѣ въ д. Верхне-Усинской, и разрѣшеніе на заготовленіе лѣса я имѣлъ честь получить 30 ноября сего года и тотчасъ же предъявилъ присланный планъ церкви жертвователямъ гг. Гуеву и Денисову, которые этотъ планъ приняли и обѣщались приступить къ постройкѣ въ августъ, а пильщиковъ прислать даже ранѣе этого времени, при чемъ г. Денисовъ выразилъ и то, что матеріалы, нужные для постройки церкви, кромѣ лѣса, они примутъ на себя, Теперь только надобно приготовить лѣсъ, но и на это средствъ у меня далеко не хватаетъ, тѣмъ

болѣе, что они понадобятся также на постройку училища. Поэтому я изыскиваю всѣ средства къ увеличенію капитала, нужнаго для заготовленія дѣса, а если чего не достанетъ, то принужденъ буду прибѣгнуть къ займу, ибо дѣсъ долженъ быть заготовленъ нынѣ же. На Усь думаю ѣхать не ранѣе начала января, ибо нынѣ по случаю очень теплой зимы, дорога туда еще не установилась. Я докладывалъ вашему преосвященству, въ бытность мою въ Красноярскѣ, что покойный П. П. Кузнецовъ обѣщалъ помочь намъ при постройкѣ церкви, но, къ сожалѣнію, онъ волею Божіею вскорѣ послѣ того скончался, почему я обратился къ Ал. Фед. Кузнецовой съ просьбой объ этой помощи, или о томъ, чтобы хотя снабдить насъ заимообразно рублями 300. Посему если эти деньги она вручитъ вашему преосвященству, то я осмѣливаюсь просить приказать отослать ихъ къ о. Минусинскому благочинному“.

Въ это же время я послалъ письмо секретарю консисторіи П. П. Иноземцову.

„Я снова безпокою васъ покорнѣйшею просьбою. Дѣло вотъ въ чемъ. Денисовъ и Гусевъ согласились построить церковь согласно присланнаго комитетомъ плана и даже Денисовъ вызвался всѣ матеріалы поставить на свой счетъ и, какъ кажется, не прочь сдѣлать иконостасъ. Миѣ очень хотѣлось бы, чтобы комитетъ или владыка прислалъ имъ что нибудь вродѣ благодарности за ихъ добрыя намѣренія. Это, во первыхъ, вывело бы ихъ изъ сомнѣнія, что я скрываю ихъ пожертвованія; во вторыхъ, поощрило бы къ дальнѣйшимъ жертвамъ и, въ третьихъ, связало бы ихъ обѣщанія не передъ однимъ мною, но и передъ комитетомъ. Не можете ли вы похлопотать объ этомъ у владыки. Официально писать объ этомъ я нахожу неудобнымъ, а вы, я думаю, можете частно доложить о томъ его преосвященству. Сдѣлайте милость, послужите благому дѣлу, чѣмъ много обяжите имѣющаго честь остаться и проч“.

Н. Путиловъ.

ЗАМѢТКИ

Пожертвованія Минусинцевъ на военныя нужды въ 1812 году. Въ началѣ XIX вѣка гор. Минусинскъ былъ селомъ, волость котораго охватывала обширный районъ—около четверти нынѣшняго Минусинскаго уѣзда.*) Знаменательный 1812 годъ не прошелъ безслѣдно и для этого отдаленнаго и малонаселеннаго тогда края.

10 декабря 1812 г. волостные начальники Токаревъ и Просвирнинъ доносятъ Красноярскому уѣздному казначейству и Минусинскому частному комиссару Геницу, что жители волости „для военной надобности.... по собственной своей волѣ и съ общаго согласія на побѣжденіе врага, стремящагося къ разоренію нашего отечества“..... жертвуютъ по 25 коп. съ каждой ревизской души, что съ 1555 душъ по 6-й ревизіи составитъ 388 руб. 75 коп., „въ томъ числѣ государственными ассигнаціями 385 руб., какихъ годовъ, за какими номерами и какихъ сортовъ—прилагается при семъ *регистръ, а прочіе медною монетою.*“

Нѣкоторыя данныя о бывшей Минусинской волости за 1811—1812 г

Въ 1811-1812 г. г. Минусинское волостное правленіе «учинило» списки «очередныхъ семействъ крестьянъ,» подлежащихъ рекрутской повинности и казачьихъ дѣтей, не опредѣленныхъ на военную службу.

Изъ списковъ узнаемъ, что въ то время самыми крайними населенными пунктами волости были: на сѣверѣ дер. Городокъ, на югѣ-с. Шуша и дер. Каптыревская, на западѣ-форпость Таштыпскій и на востокѣ-форпость Шадатскій (Каратузъ). На этомъ огромномъ пространствѣ въ нѣсколько сотъ квадр. верстъ имѣлось лишь 20 селеній: 2 села-Минусинское и Шушенское; 4 казачьихъ форпоста—Саянскій, Шадатскій, Таштыпскій, Жеблахтинскій, и 14 деревень— Городокъ, Лугавская, Мала-Минуса, Потропиловская, Каменская, Монутская (Монокъ), Табатская, Бейская, Шунерская, Каптыревская, Козлова, Ойская, Казанцевкая и Койская.

Списокъ очередныхъ крестьянскихъ семействъ помѣченъ 21 ноября 1811 г. и содержитъ цифровыя данныя: въ немъ приводится количество «очередныхъ» крестьянскихъ душъ по 5-й

*) Минусинская волость входила въ составъ Красноярскаго уѣзда

ревизіи.*) Такихъ душъ оказалось: въ селѣ Минусинскомъ 230, селѣ Шушенскомъ—176 и въ деревняхъ: Городокѣ—31, Лугавской—59, Малой-Минусѣ—70, Потрошиловой—95, Каменской—20, Монутской—43, Табатѣ—25, Бейской—26, Шунерской—22, Каптыревской—113, Козловой—28, Ойской—24, Казанцевской—30 и Койской—57, а всего 1049. Такимъ образомъ, наиболѣе крупными селеніями волости были Минусинское, Шушенское и Каптырево. По 6-й ревизіи, произведенной, какъ можно думать, въ концѣ 1811 г. или въ началѣ 1812 г., Минусинская волость уже имѣеть 1555 душъ.

Казачьихъ дѣтей, но опредѣленныхъ на военную службу, по списку, составленному 13 ноября 1812 г., оказалось немного: въ форпостахъ—Шадатскомъ—5, Таштышскомъ—2, Саянскомъ—5, Желблахинскомъ—8 и въ дер. Каптыревской—2, всего 22.

Ив. Чибизовъ.

Анекдотическая правда. Рзказываютъ, что одна малограмотная учительница, желая быть почтительной, считала долгомъ адресоваться съ письменными заявленіями не иначе, какъ къ *Милостивой Государынѣ, Госпожѣ Земской Управѣ.*

Конечно, это анекдотъ. Но не такъ ужъ рѣдки случаи дѣйствительно анекдотической безграмотности среди учащихся начальныхъ школъ. Въ августѣ 1914 г. нѣкая Сибирская Городская Управа, извѣстная редакціи „Сибирскаго Архива“, получила прошеніе, которое приводимъ съ соблюденіемъ орфографіи подлинника: „Имѣю честь покорнѣйше просить Городское Управленіе не найдетли оно возможнымъ дать мѣсто помощницы Учительницы въ одной изъ приходскихъ школъ Города №—ска, При этомъ присовокупяю что я въ теченіе 1911/14 Учебныхъ Годовъ состояла помощницей при двухъ классной школъ, документы мои о званіи Учительницы находятся У Инспектора Народныхъ Училищъ, Кромѣ сего не лишнимъ считаю приложить Удостовереніе данное №—скимъ Городскимъ Врачемъ моей родительницѣ страдающей не излечимой болезнію.

Въ довѣя дочь (подпись).

Комментаріи излишни.

*) Въ спискѣ имѣются такіе помѣтки: «у Елисея сынъ Максимъ, 6 мѣсяцевъ, умре въ 1795 г.», «Петръ 1 г. умре въ 1796 г.» и т. д.; нужно полагать, что 5-я ревизіи по Минус. вол. производилась въ 1794 г. или въ началѣ 1795 г.

Изъ области народной медицины въ Якутской области. 1) *Акушерская помощь у якутовъ Устьянскаго ул.* Полное незнание комство съ научно-акушерскими средствами родовспоможения и хроническое отсутствіе какой-бы то ни было акушерской помощи въ сѣверныхъ округахъ Якутской области даютъ печальную возможность наблюдать самыя первобытныя, а порой и варварскіе, способы оказанія помощи роженицамъ [якутамъ и тунгусамъ].

Обычныя, безъ какихъ либо осложнений, роды на сѣверѣ протекають очень и очень часто въ отсутствіи даже бабки—якутки. Женщина въ самыя послѣдніе дни беременности совершаетъ всѣ домашнія работы, кочуетъ съ одного мѣста тундры на другое, ѣздитъ десятки верстъ верхомъ на оленяхъ и часто родить гдѣ нибудь на дорогѣ, вдали отъ юрты и какой бы то ни было помощи. Мнѣ извѣстно нѣсколько такихъ фактовъ, гдѣ якутки рожали дѣтей, едва успѣвая спуститься съ верхового оленя на землю или во время зимняго пути въ кибиткѣ на полномъ ходу быстроногихъ оленей. Какъ этимъ роженицамъ было удобно рожать—можно заключить уже по одному тому, что въ большинствѣ случаевъ кибитка—шириною 3—4 четверти и въ ростъ человѣка длиною. А если принять во вниманіе, что кибитки бывають еще и низкими, что позволяетъ въ нихъ лишь полусидѣть, то трудность родовъ еще увеличится. И несмотря на такія неудобства, женщина родить живого младенца, сама перевяжетъ и отрѣжетъ пуповину и черезъ 1—2 часа продолжаетъ по тундрѣ свой путь. Наши европейскія дамы, навѣрно, и не повѣрятъ, но это фактъ и не изрѣдкихъ.

Только здоровый дикій организмъ и можетъ вынести такія пытки.

Что касается помощи якутскихъ бабокъ, то она ограничивается при нормальныхъ родахъ тѣмъ, что бабка встаетъ босыми ногами на колѣняхъ противъ роженицы (якутки больше рожаютъ на корточкахъ) и дожидается ребенка. Если ребенокъ начинаетъ показываться, то бабка старается поддержать его и не даетъ ему упасть на полъ.

Перерѣзавъ ножомъ пуповину и перевязавъ ее оленьей жилкой, бабка кладетъ, завернувъ въ шкуру, ребенка и начинаетъ потихоньку потягивать за пуповину дѣтское мѣсто. Если дѣтское мѣсто не появляется часа 2—3, то бабка его оставляетъ „на Бога“ и ужъ не посягаетъ извлекать. Я знаю одинъ случай, гдѣ мѣстечко у одной якутки отдѣлилось черезъ 2 недѣли. Уложивъ на полу роженицу, бабка беретъ младенца, подноситъ его къ камельку и начинаетъ протирать кожу ре-

бенка оленьимъ и рыбьимъ саломъ, изрѣдка брызгая изъ рта на ребенка водою. Сало, грязь рукъ бабки, слизь и вода превращаются въ какія то грязныя омылки, которыя потомъ втираются оленьей шкуркой. Послѣ этого бабка присыпаетъ пупокъ гнилушками, бинтуетъ его кожею зайца и т. п. и кончаетъ тѣмъ самымъ свое дѣло.

Въ случаяхъ трудныхъ родовъ, когда ребенокъ долго не появляется, потуги и схватки бывають слабыми—бабка начинаетъ помогать давить животъ роженицы или руками или колѣнками и заветъ *духовъ* на помощь; если и это не помогаетъ, то перевиваетъ животъ полотенцемъ и стягиваетъ. Часто такія мѣропріятія отправляютъ на тотъ свѣтъ и ребенка и роженицу.

Н. Е. Олейниковъ.

Къ рисунку „Типы Минусинскихъ инородцевъ.“
Настоящій рисунокъ полученъ редакціей „Сибирскаго Архива“ изъ альбома фотографическихъ снимковъ по этнографіи и археологіи Н. В. Федорова. Снимокъ сдѣланъ въ 1912 году въ улусѣ Синявинскомъ, Минусинскаго уѣзда, на рѣчкѣ Нинѣ, въ 120 верстахъ отъ г. Минусинска. Фототипія снята въ одной изъ токійскихъ (Японія) цинкографій.

Рисунокъ изображаетъ татарокъ „сагаекъ“ въ характерныхъ костюмахъ свахъ. Свахи одѣты въ шубы, покрытыя парчей и окаймленныя мѣхомъ; это—*идэкты тон*. На свахѣ съ лѣвой стороны поверхъ шубы еще надѣта безрукавка—*сидедэк*, которая носится только замужними женщинами. Средняя сваха въ свадебной мѣховою шапкѣ—*тюлю тюрик*; кромѣ того, грудь свахи украшена *пого*, напоминающимъ дѣтскій нагрудникъ. Онъ дѣлается изъ куска дубленой кожи и сплошь унизывается, въ видѣ симметричнаго узора, перламутромъ, кораллами, раковинами, бусами, бисеромъ, камнями, старинными серебряными монетами и т. п. Пого нерѣдко стоитъ сотни рублей.

Редакторъ-Издатель А. Линьковъ.